

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер
ЛАВСИ
ИЩЕЙКИ

Питер Даймонд

Питер Лавси

Ищейки

«АСТ»

1996

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Лавси П.

Ищейки / П. Лавси — «АСТ», 1996 — (Питер Даймонд)

ISBN 978-5-17-982459-6

Члены литературного детективного клуба «Ищейки» привыкли разгадывать книжные преступления. Но на этот раз им пришлось стать свидетелями настоящих преступлений! Сначала у эксцентричного пожилого Майло Моциона обнаруживается похищенная из музея бесценная старинная марка. А потом происходит загадочное убийство... Но кто и зачем избавился от самого тихого и неприметного из «литературных детективов» ночного сторожа Сида Тауэrsa? Как его труп попал на яхту все того же Моциона? Почему таинственный анонимный осведомитель пытается обвинить в этом преступлении еще одного члена клуба – преуспевающую галеристку Джессику Шоу? Пока у Питера Даймонда больше вопросов, чем ответов. А навязчивые попытки дилетантов «Ищеек» помочь запутывают расследование все сильнее...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-982459-6

© Лавси П., 1996
© АСТ, 1996

Содержание

Первая загадка. Вызов	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	39
Вторая загадка. Запертая комната	45
Глава 10	45
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Питер Лавси Ищейки

**Peter Lovesey
BLOODHOUNDS**

© Peter Lovesey, 1996

© Перевод. В. Соколов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Первая загадка. Вызов

Глава 1

Детектив-суперинтендант Питер Даймонд скорчился на заднем сиденье патрульной машины, которая, включив мигалку и ревя сиреной, мчалась на полной скорости по Кейншэм-байпас в сторону Бата.

– Берегись придурков за рулем! – крикнул он водителю.

– Нас видно за милю, сэр.

– Да, но кто знает, что придет им в голову?

Даймонд чувствовал, что каблучки его ботинок вот-вот продавят пол. В машине он оказался только потому, что выступал свидетелем в Бристольском суде и попросил патрульного подкинуть его до Бата. Вызов поступил почти сразу же, как они отъехали от города. Дьявольское невезение.

– Ты говоришь – звонили из банка?

– Да, сэр.

– У тебя есть счет в банке, сынок?

– Да, сэр.

– В этом отделении?

– Нет, сэр.

– А, тогда хорошо.

– Похоже, там что-то серьезное.

– Такое случается сплошь и рядом, – ответил Даймонд, пытаясь перекрыть рев сирены. – Как только какой-нибудь бедняга уходит в минус, банк съедает его заживо. Это настоящие акулы. Они присылают тебе уведомление, что ты превысил кредит на пару фунтов, и берут с тебя десять фунтов за то, что его отправили.

Разговор заглушил рев сирены. Даймонд старался не смотреть на придорожную зелень, сливавшуюся за окном в мутную полосу. Еще этим утром, сидя в суде, он всерьез думал, что работать полицейским в Бате – пара пустяков. Когда они подлетели к кольцевой развязке между Бат-роуд и Бродмид-лейн, он закрыл глаза.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась у банковского отделения на шоссе А4 в Солтфорде.

– Кажется, мы первые, – без особой радости заметил Даймонд. – Интересно, этот клоун у двери – один из них или один из наших?

Мужчина в серой «тройке» помахал им рукой – явный признак «своего». Он подскочил к машине раньше, чем Даймонд успел вытащить из салона свое грузное тело.

– Раутледж, – представился господин в «тройке». Голос у него был сладким, как фруктовое желе. – Старший клерк. – Он протянул руку Даймонду с деловым видом, словно перед ним был новый клиент, желавший открыть счет. – Быстро вы приехали.

– Что тут стряслось?

– Наш управляющий, мистер Беллини, мертв.

– Мертв?

– Да, убит выстрелом в голову, – подтвердил клерк сухим тоном британского актера, демонстрирующего мужество на поле боя.

– Вот как? Стрелок еще в здании?

– Э... нет.

– Есть свидетели?

– Свидетели? Нет, все произошло в кабинете мистера Беллини.

– Но люди должны были слышать выстрел.

– Тут вы правы.

– И видеть, как убийца вышел из кабинета.

Раутледж задумался.

– Боюсь, что нет. Спросите их сами. По-моему, все попрятались за столами.

Даймонд старался быстро усвоить полученную информацию.

– Если никто не видел, как стрелявший вышел из кабинета, откуда вы знаете, что его там нет – у мистера Беллини?

Ратуледж пожал плечами и скромно улыбнулся.

– Дело в том, что это я его застрелил. Простите, что говорю так прямо, офицер. Но мистер Беллини был тот еще засранец.

Глава 2

Церковь Святых Михаила и Павла, возведенная в тот год, когда королева Виктория взошла на трон, расположена на перекрестке Брод-стрит и Уэлкот-стрит, недалеко от «Подиума» и здания почтамта. Писатель Джон Хэддон в своем «Описании Бата» назвал это место «ловушкой для глаз» – лучше, действительно, не скажешь. Ее шпиль величаво возвышается над городом. Южный фасад, сильно усеченный из-за нехватки места, был вдохновлен собором в Солсбери. Правда, в центре Бата он смотрится не очень. Узкие окна, острые шпицы и стрельчатые арки плохо сочетаются с георгианскими фронтонами и портиками. Самое приятное, что случилось с этим зданием за последние десятилетия, – очистка стен. После того, как с камней сняли столетнюю копоть, церковь стала куда лучше вписываться в окружающую архитектурную среду – если не по форме, то по цвету.

В этот пасмурный октябрьский день, около восьми вечера, на перекрестке со стороны Брод-стрит появилась женщина в желтом плаще и с большим зонтом, которым она старалась заслониться от окрестных зданий. Громада собора действовала на нее угнетающе: Ширли-Энн Миллер не любила ходить в церковь. Она была в храме единственный раз – много лет назад, во время фестиваля, на концерте Найджела Кеннеди. Ее увлечение этим панк-скрипачом началось лет в пятнадцать и продлилось чуть ли не до тридцати. Но сегодня она шла сюда совсем по другой причине, и причина эта, судя по всему, была очень веской, поскольку встречу назначили не где-нибудь, а в церковном склепе.

Дверь в храм оказалась закрыта. Ширли-Энн искала другой вход, начиная сомневаться в том, что ее правильно проинформировали. Со стороны Уэлкот-стрит обнаружились невысокие перила, за ними – спускавшиеся вниз ступеньки. Она сняла очки и протерла стекла, пытаясь понять, что делать дальше. Лестница заканчивалась дверью с аркой и явно вела в подвальный этаж. Женщина закрыла зонтик, как следует его встряхнула и, глубоко вздохнув, спустилась вниз.

Она боялась увидеть могильные плиты и надгробия, затянутые паутиной, но вход в крипту оказался светлым и просторным. В коротком коридорчике имелось несколько дверей, и за одной из них слышались чьи-то голоса.

Ширли-Энн всегда нервничала перед встречей с новыми людьми, но тут уж ничего нельзя было поделать. Она толкнула стеклянную дверь и вошла в комнату. Помещение напоминало палату в частной клинике: теплое, уютное, с большим ковром и ярким светом, без малейших намеков на гробы. На желто-кремовых стенах висели туристические постеры. Все выглядело таким чистым и стерильным, что она испугалась, как бы не запачкать ковер мокрой обувью.

Находившаяся в комнате пара оборвала разговор и уставилась на Ширли-Энн. Сидевшая ближе к ней женщина – немолодая, с широким напудренным лицом и изумрудными тенями вокруг глаз, в переливчато-синем платье с высоким воротником, – показалась ей похожей на восточную царицу. Нефритовые серьги, ярко окрашенные ногти... Все остальное выглядело скорее по-европейски: светлые завитые волосы и сочные оранжевые губы, сжатые в надменной гримасе.

Мужчина был не менее внушителен в своем роде. Свою пышную черную бороду он, похоже, приобрел в маскарадной лавке: она никак не вязалась с его седыми волосами. Ширли-Энн невольно пришло в голову, не приклеена ли его борода к очкам и не продавались ли они одним комплектом.

Поскольку те продолжали хранить молчание, она представилась.

Двое все так же молча смотрели на нее, и она торопливо добавила:

– Надеюсь, я не ошиблась адресом? Это вы – «Ищейки Бата»?

Вопрос прозвучал как-то глупо. Мужчина, не отвечая прямо, поинтересовался:

– А вы что, хотите присоединиться?

– Да, мне сказали, что меня могут принять. Я обожаю детективные истории.

– На вашем месте я бы так не говорил, – предупредил мужчина тоном адвоката, дающего квалифицированный совет. – Некоторых людей может покоробить подобное признание. Надо осторожнее говорить о своих пристрастиях. Лучше сказать: я поклонник криминального жанра. Не так ли, мисс Чилмарк?

Восточная царица скривила губы и не произнесла ни слова.

Мужчина продолжал:

– Термин «криминальный жанр» гораздо более широк, чем старомодные «детективные романы». – Он рассеянно взглянул на каменные своды церкви. – Скажем так, мы – свободолюбивая община.

Ширли-Энн догадалась, что последняя фраза была шуткой, и, хихикнув, пробормотала:

– Ну, я имела в виду не только детективные истории.

– А что вы имели в виду? – спросил мужчина.

Ширли-Энн уже стало казаться, что, придя сюда, она совершила большую ошибку.

– Просто сказала первое, что пришло в голову.

– Это не всегда срабатывает. Как нам вас называть – мисс или миссис?

– Называйте просто по имени, если это вас устроит.

– О, вполне устроит, – более дружелюбно ответил мужчина. – Меня все зовут Майло. От своей фамилии я не в восторге. Она звучит как Моцион, и в школе меня дразнили всякими глупыми прозвищами. А к мисс Чилмарк всегда можно обращаться как к... мисс Чилмарк.

Мисс Чилмарк заговорила голосом диктора в старых телепередачах:

– Чилмарки жили в западных графствах более семисот лет. Я не стыжусь своей фамилии.

– Сколько еще человек в группе? – спросила Ширли-Энн.

Это был важный вопрос. Если больше никого нет, она здесь не останется.

– В «Ищейках»? Сейчас шесть, – ответил Майло. – Семь, если вы запишетесь. Раньше было больше, но многие выбыли. Кто-то умер, кто-то уехал, а кто-то не оправдал ожиданий. Вы хорошо разбираетесь в теме?

– В какой теме?

– В криминальном жанре. Что вы читаете?

– О, да почти все, – ответила Ширли-Энн, не желая, чтобы ее тоже сочли «не оправдавшей ожиданий». Тот факт, что в группе были и другие члены, кроме этой парочки, ее немного успокоил. – Я глотаю все подряд. Прочесала все библиотеки, а потом перешла на букинистов. Всегда ищу что-то новенькое.

– Но что именно вы предпочитаете? Классические детективы? Полицейские боевики? Психологические триллеры?

– И то, и другое, и третье. Плюс судебные драмы, нуар, истории о частных сыщиках, рассказы про шпионов...

– И вам все это нравится? – с сомнением спросил Майло.

– Я читаю любые книги, даже самые плохие. Наверно, у меня просто мания. Конечно, если книга хорошо написана, она нравится мне больше.

– Полагаю, вы сможете внести свой вклад в наш кружок, – заметил Майло.

– Почему бы нет? – широко улыбнулась Ширли-Энн. – У меня сотни лишних книг.

Майло пощупал бороду, словно проверяя, на месте ли она.

– Под «вкладом» я имел в виду не книги, а суждения. Мы, знаете ли, не всеядны. У нас есть свои ограничения.

Мисс Чилмарк резко подалась вперед.

– Я, например, ищу в книгах интеллектуальный смысл. Разумеется, речь идет не о тех нелепых и невероятных историях, которые автор помещает в какой-нибудь загородный дом. Вы читали «Имя розы» Умберто Эко?

Ширли-Энн кивнула, но не успела ничего ответить.

– Великолепная книга! – отчеканила мисс Чилмарк. – Превосходный сюжет. Какая атмосфера! Какая эрудиция! Какой смелый замысел – убийство в средневековом монастыре! Интрига, которая не отпускает вас до самого конца! Карта, лабиринт, искажающее зеркало, блестящая дедукция... Неудивительно, что у него нашлось столько подражателей. Все эти рассказы про монаха из Шрусбери...

– Брата Кадфаеля? – вставила Ширли-Энн.

– Ну да, я про него. Их явно вдохновил великий роман Эко.

– Возможно, вы ошибаетесь, – мягко возразила Ширли-Энн. – Первая книга про Кадфаеля вышла на несколько лет раньше, чем «Имя розы». Я хорошо это помню, потому что прочла ее в 1977 году, после того, как мне вырезали аппендицит. А «Имя розы» вышла в 1983-м, когда я вывихнула плечо.

– Наверно, было ужасно больно, – вставил Майло.

– Но она могла выйти раньше на итальянском языке, – с победоносной улыбкой парировала мисс Чилмарк.

– Полагаю, нам нужны более точные сведения, – покачал головой Майло.

Ширли-Энн промолчала, но про себя решила при первой же возможности выяснить правду.

В эту минуту их прервали. В комнату вошла новая участница группы и, стянув с головы шелковую косынку, тряхнула волосами. У нее была короткая стрижка – шапка светлых пружинистых кудряшек, одна из тех шевелюр, которые всегда выглядят отлично и почти не требуют укладки.

Рука Ширли-Энн невольно потянулась к голове, чтобы пригладить непослушные пряди. С прической у нее всегда были проблемы.

Майло представил вошедшую:

– Это Джессика, наш эксперт по женщинам-детективам. Дайте ей шанс, и она засыплет вас их именами.

– Как интересно! – Ширли-Энн была очень рада, что не всем участникам «Ищейек» стукнуло за шестьдесят. – Дайте я тоже попробую. В. И. Варшавски, Кинси Милхоун, Шэрон Маккоун, Дженни Кейн.

– Лучше ограничимся британками, – с широкой улыбкой предложила Джессика. – Корделия Грей, Джимайма Шор, Анна Ли, Пенни Ванавэйк, Кейт... Кейт... персонаж Вэл Макдермид... вылетело из головы...

– Кейт Брэнниган, – деликатно напомнила Ширли-Энн.

– Вы читали Макдермид?

– Она читала все, – без улыбки вставил Майло. – Похоже, мы узнаем от нее много интересного. Что касается моих личных пристрастий, то я предпочитаю их скрывать.

По вескому тону, каким были произнесены эти слова, Ширли-Энн решила, что он гей.

Джессика сняла мокрый плащ и бросила на столик в углу. На ней был эффектный черный топ и черные леггинсы с белым поясом.

– А где стул? – спросила она.

Майло посмотрел на нее с удивлением: в центре комнаты стояло несколько свободных стульев, расставленных в форме круга.

– Я имею в виду – стул председателя, – объяснила Джессика. – Где Полли?

– Она опаздывает, – ответил Майло. – Как и Руперт.

– Руперт всегда опаздывает, – заметила мисс Чилмарк. – Предлагаю всем сесть и начать без них, – с этими словами она прошла в центр и заняла один из стульев.

– Бьюсь об заклад, она бы с удовольствием заняла место председателя, – шепнул Майло Ширли-Энн. – Это ее давняя мечта.

Джессика вмешалась:

– Полагаю, нам лучше подождать Полли. Она очень расстроится, если узнает, что мы задержались из-за нее.

– Именно поэтому нам и надо начинать, – парировала мисс Чилмарк со своего места.

Однако к ней больше никто не присоединился, и вопрос решился сам собой.

Джессика обвела взглядом комнату.

– Сид здесь? Ах, да, вижу.

К удивлению Ширли-Энн, откуда-то из-за колонны вышел мужчина в коричневом плаще и вскинул руку в быстром жесте, который, пожалуй, можно было бы принять за дружеское приветствие, если бы его испуганный вид и широко открытые глаза не говорили о том, что он скорее отмахивается от привидений. Судя по всему, когда она приехала, он уже был в крипте. Сид не сказал ни слова, и никто не обратил на него ни малейшего внимания. Ширли-Энн стало за него неловко.

– Вы местная, не так ли? – спросила Джессика с той милой уверенностью в своих словах, которую современные англичанки практикуют для самоутверждения.

– У нас квартира на Рассел-стрит, – ответила Ширли-Энн. – То есть, квартира у Берта – моего бойфренда. Мы вместе почти полгода. Он местный, родился и вырос в Бате. А я, увы, нет. Приехала в прошлом году.

– Вам не за что извиняться, милая, – улыбнулась Джессика.

– Знаете, мне всегда немного неловко перед людьми, которые всю жизнь прожили в Бате. Я работаю в местной турфирме – вожу туристов на автобусе.

– Приехали год назад и уже стали гидом! – рассмеялась Джессика. – Вам везет. Откуда вы? Из Лондона?

– Да, из Ислингтона.

– А ваш бойфренд из Бата? Что ж, значит, вы в курсе всех местных новостей. Чем он занимается?

Она откровенно вытягивала из нее информацию, но делала это так мягко и ненавязчиво, что придаться было не к чему.

– Берт? Он работает в спортивно-культурном центре. Вечерами его часто не бывает дома, так что меня вполне устроят ваши поздние собрания – если, конечно, вы меня примете. Какие у вас правила?

Майло вмешался в разговор.

– Мы обходимся без церемоний, – заявил он, хотя все происходившее скорее противоречило его словам. – Несколько лет назад два-три человека из нашей компании – я имею в виду Полли Уайчирли, Тома Пэрри-Моргана (бедняга уже умер) и себя – встретились за ужином в курортном павильоне, – помнится, тогда с лекцией выступала Ф. Д. Джеймс, – и обнаружили, что имеем общую склонность к детективной литературе. Мы случайно оказались за одним столиком. А поскольку Полли обожает все организовывать – скоро вы сами в этом убедитесь, – она настояла, чтобы мы встретились снова. Время от времени путь в наше логово находят новые «Ищейки».

– Например, вы, – вставила Джессика.

– Теперь я понимаю, почему вы так назвались, – кивнула Ширли-Энн. – У вас есть членские взносы?

– Ровно столько, чтобы хватило на аренду помещения, – ответил Майло. – Раньше мы встречались в пабах, но потом наши дамы решили, что снимать комнату будет более культурно.

– Ничего подобного, – возразила со своего стула мисс Чилмарк. – Нас попросили удалиться, когда Руперт устроил безобразную сцену в Римском баре у Фрэнсиса.

– Но мы могли бы перебраться в другой паб, – покачал головой Майло.

– Вы прекрасно знаете, что там было бы то же самое.

По крайней мере, теперь информация поступала в обе стороны. Ширли-Энн мысленно подытожила то, что узнала об «Ищейках». По словам Майло, их было шесть. Три женщины: Полли, председатель клуба, которая любит все организовывать, но расстраивается, если ей случается опоздать; амбициозная мисс Чилмарк, поклонница Умберто Эко; и Джессика, эксперт по женщинам-детективам. Джессика ей понравилась. А также трое мужчин: Майло, скорее всего, бывший чиновник, судя по его педантичным манерам, и, вероятно, гей; незаметный Сид; Руперт, устраивающий сцены в пабах. Слава богу, что она пришла сюда не для романтического знакомства.

– Руперт не так уж плох, – заверила ее Джессика. – Просто любит пускать пыль в глаза. Уверяет, что знаком со всеми знаменитостями. Зато его выходки хоть как-то расшевеливают наше болото. Руперт увлекается нуаром – авторами вроде Джеймса Элроя и Джонатана Келлермана.

– Он будет сегодня вечером?

– Да, но не раньше, чем мы начнем. Он любит появляться с помпой.

Ширли-Энн сразу усомнилась, что сможет относиться к Руперту так же благодушно и терпимо, как Джессика.

Из открытой двери послышался голос:

– Ради бога, извините. Даже не знаю, что вы теперь обо мне подумаете. Я уронила ключи в сточную канаву и минут двадцать пыталась их оттуда выудить!

Судя по всему, это была Полли Уайчирли – густо покрасневшая то ли от смущения, то ли от недавних приключений. Она дышала шумно, как астматик. С ее появлением средний возраст группы приблизился к шестидесяти, но в ее походке чувствовалась бодрость, а в лице было что-то мягкое и успокаивающее. Невысокая, плотная, с серебряными волосами, в широком габардиновом пальто, – именно так, по мнению Ширли-Энн, должна выглядеть классическая добрая тетушка.

– Так вы их достали? – спросил Майло.

– Да, благодаря добросердечному таксисту, который увидел, как я торчу на коленях возле обочины. Такие вещи случаются сплошь и рядом. Но, конечно, не со мной. – От улыбки на ее щеках появились ямочки. – Я могла бы рассказать, что нужно делать, если с вами произойдет нечто подобное, но мы и так потеряли много времени. Послушайте, мне нужно помыть руки. Почему вы не начали без меня?

– Хороший вопрос, – отозвалась мисс Чилмарк. – Садитесь, леди и джентльмены.

– Мы можем подождать еще несколько минут, – вставила Джессика.

– Да, давайте подождем, – поддержал Майло.

Мисс Чилмарк прищурила глаза, но промолчала.

– Что сегодня в программе? – спросила Ширли-Энн у Майло.

– Не знаю. Это обычно решает Полли. У нас неформальное общение. Есть только одно правило – мы по очереди рассказываем о книгах, которые прочли недавно и которые нам понравились.

– Только, ради бога, не упоминайте «Имя розы», – пробормотала Джессика.

– Надеюсь, мне не придется проходить какой-нибудь вступительный обряд?

Глаза Майло блеснули.

– Тайная церемония?

Джессика улыбнулась.

– Черные свечи и череп? Как называется это общество писателей? «Детективный клуб»?

Полли вернулась в комнату, и все дружно направились к свободным стульям. О тайной церемонии больше никто не вспоминал.

Глава 3

– Входите, Питер, мы давно вас ждем, – произнес помощник начальника полиции.

– Зачем, сэр?

– А вы не знаете?

Даймонд настороженно обвел взглядом лица сотрудников, сидевших за овальным столом. В этот вечер на втором этаже «орлиного гнезда», как называли полицейскую штаб-квартиру в Бате, проходило ежемесячное совещание высших полицейских чинов под руководством помощника начальника полиции – ПНП.

– Чтобы обсудить недавний арест. Тот самый, когда вы взяли парня из банка.

– Хотите меня повесить?

– Господи, при чем тут это. Просто порадоваться за вас. С тех пор, как вас снова поставили во главе отряда, вам не попадалось ни одного приличного убийства. И вот, наконец, удача.

– Я бы не назвал это «приличным убийством», – возразил Даймонд. – Два заурядных клерка в банке. Один что-то не поделил с другим и пустил в него пулю. Не стоит бумажной работы.

– Он уже признался?

– Да, на семнадцати страницах – пока.

ПНП прокомментировал:

– Вот это, я понимаю, бумажная работа. И вряд ли дело такое уж простое.

– В последние полгода бедняге сильно не везло.

На него внимательно уставились несколько пар глаз. Никто ничего не сказал, но Даймонд знал, о чем они думают: в последнее время ему тоже не везло. Унылая канцелярщина, которой он теперь занимался по долгу службы, была не худшей из его проблем.

– А как насчет оружия? – спросил чей-то голос.

– Он выстрелил ему между глаз.

– Я имел в виду, где он взял...

– Это мы еще не выяснили. Наверно, узнаем, когда доберемся до двадцать пятой страницы.

– Не отчаивайтесь, Питер, – произнес ПНП, хотя его послужной список вряд ли давал ему право обращаться к подчиненным по имени. – Продолжайте выбивать показания. Возможно, ваш клерк окажется серийным убийцей.

На лицах сотрудников появились вежливые улыбки.

Даймонд покачал головой.

– Меня устроит старое доброе убийство. Мне ни к чему трупы на каждом углу. Одного вполне достаточно, если есть над чем поработать. Неужели в Бате не осталось нормальных преступников?

– Блажен, кто верует... – пробормотал Джон Уигфул, возглавлявший убойный отдел до прихода Даймонда. Теперь он стал начальником отдела информации розыска и тоже не особо радовался жизни.

ПНП понял, что пора переходить к делу, и в следующие полчаса отдуваться пришлось Уигфулу. Речь зашла об операции «Шмель», пиар-кампании против квартирных ограблений. Эта работа была ему в новинку, но он хорошо подготовился и довольно убедительно рассказал начальству о снижении уровня преступности.

– Мы добились впечатляющего успеха, сэр, – заверил он. – Само собой, информация о всех ограблениях теперь сразу поступает в «Улей».

– Куда?

– В «Улей». Это компьютерная система, созданная командой «Шмеля». Мы анализируем данные и разрабатываем оптимальную тактику по борьбе со взломщиками.

– Значит, главную роль играют компьютерные технологии? – спросил ПНП, явно стараясь отвязаться от «шмелиной» темы.

Даймонд подавил желание зевнуть. Компьютеры нравились ему не больше, чем пиар и пресса. Он предпочитал думать о поэзии. Странно, особенно если вспомнить, что в последние годы он не прочитал ни строчки. Но теперь в голове у него вертелся обрывок старого стиха, который он выучил для экзамена в школе. Как там, бишь, называлась эта штука? Иллюстрация к какой-то стилистической фигуре?

Разговор об операции «Шмель» продолжался еще добрых двадцать минут. Остальные сотрудники решили воспользоваться случаем, чтобы произвести впечатление на нового шефа, и вскоре вся комната гудела и жужжала, как пчелиный улей.

Ускользавшая строчка вдруг ясно и четко всплыла в его памяти. Он произнес ее вслух:

– Жужжит и жалит разозленный рой.

За столом воцарилась тишина.

– Ономатопея, – пояснил он.

– Думаю, нам пора сделать перерыв, – пробормотал ПНП, бросив озадаченный взгляд на Даймонда.

Глава 4

Заседание «Ищеек» было в разгаре.

– Загадки – вот что главное! – горячился Майло Моцион. – Это вызов нашему интеллекту! Без них книга ничего не стоит.

– Ну да, как же, – насмешливо возразила Джессика. – Знаю я эти романы, где автор забрасывает тебя загадками, а в конце ты чувствуешь себя полным дураком. Так называемый классический детектив – почти всегда просто надувательство. Агата Кристи бесконечно тянет резину и запутывает читателя, чтобы создать впечатление, что она умнее всех. Возьмите хоть сюжет «Мышеловки».

– Осторожней, – мягко вставила Полли Уайчирли. – Возможно, кто-то еще не видел пьесу.

Джессика раздраженно мотнула головой, и взмах ее пляшущих кудряшек вызвал завистливый вздох у Ширли-Энн.

– Перестаньте, Полли, – ответила Джессика. – Как мы можем вести серьезный разговор, если нам нельзя обсуждать сюжеты?

Но Полли тут же доказала, что ее не зря выбрали председателем, ответив сдержанным, но авторитетным тоном:

– Джессика, дорогая, мы все любим обсуждать детективные истории, поэтому и приходим сюда, но у наших собраний есть и другая цель: получить рекомендации от других членов клуба по поводу тех книг, которые нам бы хотелось прочитать. Давайте не будем раскрывать их содержание.

– Я специально упомянула «Мышеловку», потому что это пьеса, а не книга, – заметила Джессика.

– Ценю вашу осторожность, но все-таки на тот случай, если кто-то еще не видел постановку...

– Это что, новое правило?

– У нас нет никаких правил, – парировала ее выпад Полли. – Вы можете сколько угодно критиковать классический детектив, дорогуша, но я уверена, что это можно сделать и не вдаваясь в сюжетные детали.

– Ладно, – пожала плечами Джессика. – Все, что я могу сказать, не упоминая каких-то конкретных книг...

– Спасибо, милая, – кивнула Полли.

– ... это то, что авторы, желая заинтриговать, или, точнее, мистифицировать читателя, сочиняют абсолютно надуманные истории, как, например, в одном хорошо известном произведении, где рассказчик, ведущий повествование, в последней главе оказывается убийцей.

– Точнее, в третьей главе с конца, если я правильно помню, – вставила Ширли-Энн.

Джессика сделала большие глаза.

– Эй, поосторожней с деталями.

Ширли-Энн почувствовала, что краснеет, и с облегчением вдохнула, когда Джессика смягчила свое замечание улыбкой.

Но Майло и не думал улыбаться.

– Ну и что с того, что убийцей оказался рассказчик? Почему это плохо?

– Потому что это трюк, – ответила Джессика. – Литературное жульничество. И чтобы он сработал, ей приходится до абсурда затягивать развязку. В смысле – автору. Простите, Полли.

– А меня это вполне устраивает, – возразил Майло. – И не только меня, но и миллионы других людей, судя по тому, насколько популярна эта книга. Ее печатают уже семьдесят лет.

– Господи, неужели она написана так давно? – спросила Полли, опасно приблизившись к той черте, которую сама призывала не переступать.

Впрочем, ее намерение было понятно – направить беседу в более спокойное русло. Она безукоризненно вела собрание.

Подавала голос мисс Чилмарк – восточная царица.

– По-моему, у классического детектива может быть много и других достоинств, – заявила она. – Представьте себе книгу, в которой великолепно придуманная интрига сочетается с интеллектуальной силой и даже теологическими изысками. Книгу со своим лицом, с глубоким уважением к истории...

– Попробуйте догадаться, о чем речь. Я не смогла продвинуться дальше сорок второй страницы, – вполголоса пробормотала Джессика.

Мисс Чилмарк продолжала воспевать достоинства «Имени розы», пока ее не прервал собачий лай.

– А вот и Руперт, – пояснила Джессика Ширли-Энн.

– С собакой?

– Собака вполне безобидна, – буркнул Майло.

Но он ошибся: собака была небезобидна. Едва все взгляды обратились к двери, огромный коричневый пес – скорее всего, помесь сеттера и немецкой овчарки – появился на пороге и понюхал воздух. Его длинная густая шерсть блестела от дождя. Не успели они опомниться, как мокрая псина прыгнула прямо в центр круга и резко отряхнулась от воды. Брызги полетели во все стороны. Женщины взвизгнули, в комнате начался переполох. Кто-то уронил стул, сумка Полли опрокинулась вверх дном. Собака поддалась всеобщему возбуждению и завертелась на месте, огласив собрание громким лаем.

Мисс Чилмарк крикнула:

– Кто-нибудь, уберите ее отсюда! Мое платье!

Через мгновение в комнате появился владелец пса – высокий худой жилистый мужчина в черной кожаной куртке, черном берете и темно-синих бриджах – и скомандовал:

– Марлоу, к ноге!

Пес помахал хвостом, радостно тявкнул и обдал собравшихся новой порцией воды.

– Он вас не слушает! – раздраженно прокомментировала мисс Чилмарк. – Вы должны держать его на поводке. А еще лучше – оставлять дома.

– Это весьма жестокосердно с вашей стороны, мадам, – возразил Руперт с безупречным выговором выпускника одной из лучших британских школ. – Марлоу всю неделю ждал этого собрания. Он сделал только то, что обычно делают собаки, отряхивая шерсть.

Майло возразил:

– А что еще обычно делают собаки? Может, он и это нам продемонстрирует? Честное слово, мне не терпится взглянуть.

– Господи, да что вы так взъелись на несчастное животное? – возмущенно спросил Руперт. – А вам бы понравилось сидеть в мокрой одежде?

– А вам понравится, если я выставлю вам счет из химчистки? – съязвила мисс Чилмарк.

– Называете себя «Ищейками», а сами боитесь живой собаки, – заметил Руперт с улыбкой, обнажившей больше провалов во рту, чем зубов.

Полли Уайчирли решила, что пора восстановить порядок:

– Почему бы нам снова не занять свои места? Тогда и Марлоу успокоится. Обычно он ведет себя очень мирно.

– Но стулья мокрые, – возразила мисс Чилмарк. – Я не хочу сидеть на мокром стуле.

На сцене появилась сухая тряпка, сиденья быстро вытерли, и собрание продолжилось без участия Марлоу, которого заставили выйти из круга и привязали к стулу его хозяина.

Ширли-Энн отметила, что Руперт с виду остался совершенно безучастен к тому переполоху, который вызвали он и его собака. Он сидел между Полли и Майло с расслабленным видом, скрестив ноги и обхватив ладонью подбородок. У него было узкое худощавое лицо, на котором резче всего выделялись крупный нос и темные, живые, глубоко посаженные глаза, остро смотревшие из-под черного берета.

Полли сообщила:

– У нас шла чрезвычайно полезная дискуссия о роли тайны в классическом детективе.

– Скукотища, правда? – Руперт сразу принял вызов. – Никакой связи с реальным миром. Все эти эксцентричные детективы-любители: высокомерные лорды, старые дамы, бельгийские беженцы в поисках каких-то незамеченных улик... Полная чушь. Бьюсь об заклад, что в реальном мире вы не найдете ни одного убийства, раскрытого частным детективом. – Он обвел глазами публику. – Ни одного.

– Вот и замечательно, – беспечно отозвался Майло. – Не хочу, чтобы книги имели отношение к реальной жизни.

– Или к реальной смерти, – добавила Джессика.

– Вот именно.

Но Майло не понял, в чем подвох.

Руперт громко рассмеялся, снова продемонстрировав голые десны. Он выглядел, как живописная руина – мрачно, но привлекательно.

– Короче, это сказочки для взрослых.

– Почему бы нет? – возразил Майло. – Я люблю немного волшебства, даже если в конце оказывается, что это просто трюк.

– Я тоже, – вставила Ширли-Энн.

Руперт бросил на нее страдальческий взгляд:

– Ну вот, еще одна жертва позднего развития. Проклятье, я снова в меньшинстве!

Полли поспешила разрядить атмосферу.

– Помнится, когда выступала Ф. Д. Джеймс, – некоторые из нас слышали ее лекцию, – она сказала, что, вероятно, у нее с детства была склонность к детективам, потому что когда няня в первый раз прочитала ей про Шалтая-Болтая, она подумала: «Он упал сам или его толкнули?»

Руперт не удержался от улыбки, но тут же снова бросился в атаку.

– А потом они жили долго и счастливо? – ехидно спросил он. – Этого вы хотите от чтения?

– Скорее, чувства восстановленной справедливости, – ответила Ширли-Энн. – Или это одно и то же?

Майло заметил:

– Я люблю, когда автор увязывает все концы.

– Значит, вам хочется спать спокойно, зная, что все в порядке. – Руперт с мрачной иронией оглядел публику. – А вы когда-нибудь видели криминальную статистику? Вы знаете, что происходит в мире? Вас когда-нибудь грабили?

– Да.

Все резко повернули головы, потому что последнюю фразу произнес Сид. Он держался так незаметно, что одно-единственное оброненное им слово произвело эффект разорвавшейся бомбы. Выдав свою реплику, он снова опустил глаза, словно лежавшая на коленях кепка интересовала его гораздо больше, чем все происходившее в комнате.

Ширли-Энн не могла понять, зачем Сид Тауэрс присутствовал на этих обсуждениях, если не собирался в них участвовать. У него явно не было желания продолжать беседу. Он избегал чужих взглядов. Его поза, весь его внешний вид словно молили о том, чтобы присутствующие не обращали на него внимания, что они, собственно, и делали. Ширли-Энн всегда считала себя очень наблюдательной, но у Сиды, похоже, был особый дар оставаться в тени. Не желая с

этим мириться, она рассмотрела его более внимательно. На вид лет сорок с небольшим, фигура сильная и крепкая, несмотря на сгорбленные плечи. Глаза – она видела их только мельком – серо-голубые, чуть прищуренные (все-таки в наблюдательности ей не откажешь). Ровный ряд мелких зубов. Ничто в его внешности не оправдывало такой зажатости. Возможно, он чувствовал себя не в своей тарелке. По одежде трудно было сказать что-то определенное, кроме того, что она больше подошла бы человеку лет на двадцать старше. Плащ, белая рубашка, черный галстук. Какой-нибудь чиновник? Или – избави, боже, – полицейский? Темно-синие брюки, возможно, от костюма. Черные, хорошо начищенные туфли на шнурках. Плащ вечного труда, который он не снял даже в теплом помещении. И кепка на коленях. Скромный, унылый бедолага, решила Ширли-Энн. Эта встреча не доставляет ему никакого удовольствия. Так зачем же он тут сидит?

Замечание Сида заставило Руперта нахмуриться:

– В общем, я только хотел сказать, что те книги, которые вам так нравятся, не заслуживают звания детектива. Боюсь, настоящие мастера криминального жанра вам совершенно неизвестны, и вы никогда их не читали. Элрой, Вакс, Рэймонд – вот те, кому хватает смелости заглянуть прямо на дно общества и увидеть, что там происходит. Вместо загородных особняков – городские трущобы, где даже у мальчишек есть оружие и где вас запросто могут убить за дозу крэка. Продажные копы берут взятки с проституток и выбивают показания из угрюмых ирландцев. Жертв изнасилований заражают СПИДом. Под окнами гниют мусор и старое тряпье, кишасщее вшами, а в подворотнях валяются использованные шприцы и на следах рвоты копошатся тараканы.

– Но у меня нет ни малейшего желания читать о рвоте и шприцах, – заметила мисс Чилмарк. – Этого мне хватает и по телевизору.

– Вот именно, – подхватил Руперт. – Вы переключаете каналы и смотрите сладкую историю про какую-нибудь старую милую леди, которая между делом ведет любительское расследование, выставляя дураками полицейских. И так каждый раз, в разных вариациях.

– Вообще-то я уже давно перестала смотреть телевизор, – высокомерно ответила мисс Чилмарк. – Даже не знаю, зачем я его еще держу в своей гостиной.

При упоминании гостиной мисс Чилмарк глаза Руперта блеснули.

Полли откашлялась и спросила:

– Кто-нибудь еще хочет высказать мнение о классическом детективе?

– Разве мы обсуждаем эту тему? – возразил Майло, презрительно посмотрев на Руперта. – Что-то я не заметил. Но вы правы, кто-то должен замолвить словечко за старый добрый детектив, и, разумеется, это снова буду я. Я хочу отметить, что авторы «золотого века» довели искусство интриги до совершенства. Несмотря на то, что вы здесь наговорили, я могу привести, по меньшей мере, с десяток книг, написанных с таким блеском, что они с легкостью выдержат сравнение с любым произведением, созданным за последние полвека. Можно сколько угодно твердить о лихо закрученном сюжете у Ле Карре или о ваших сногшибательных американцах, но для меня и для многих других главный признак смелости и мастерства детективного писателя – его способность выложить перед читателем головоломку, дать ему все нужные ключи и сказать: реши ее, если сможешь. А потом поразить серией головокружительных сюрпризов и закончить потрясающим финалом.

– И все это за счет многих других важных вещей, которые должны присутствовать в хорошем детективе, – холодно заключила Джессика.

– Каких, например?

– Яркие характеры, ритм, острые диалоги, но, прежде всего, правдоподобие. Книги, о которых вы говорите, Майло, в свое время были превосходны, но они никогда не выходили за рамки простого развлечения.

– Или забавы, – вставила Ширли-Энн, удостоившись одобрительного кивка от Джессики.

– В последнее время редко услышишь это слово, – рассеянно заметила Полли. – Забава. Милое словечко.

Но Майло не собирался сдаваться:

– Разумеется, самая лучшая и изысканная форма интеллектуального детектива – жанр «запертой комнаты».

Руперт застонал и сполз по спинке кресла, вытянув свои длинные ноги. Майло не обратил на него внимания.

– Лучший представитель этого жанра – Джон Диксон Карр. «Герметически запертое помещение», как он это называл, лежит в основе многих его произведений. Не знаю, читал ли кто-нибудь из вас «Человека-призрака».

Ширли-Энн весело подняла руку. Как ни странно, второе подтверждение последовало от Сиды: он молча кивнул, продолжая смотреть на свою кепку.

Майло продолжал:

– В таком случае, на следующей неделе я прихвачу свой экземпляр. Не говоря о том, что «Человек-призрак» является наиболее увлекательным романом за всю историю детектива, в нем имеется знаменитая глава, целиком посвященная «тайне запертой комнаты». Доктор Фелл, герой Диксона Карра, специально прерывает повествование, чтобы прочесть лекцию на эту тему, и делает это превосходно. Не правда ли?

Он посмотрел на Сиду, и тот снова кивнул.

– Кстати, хорошая идея, – добавил Майло. – Я прочту ее вам в следующий раз и быюсь об заклад, что доктор Фелл заставит многих из вас изменить свое мнение, даже если это не удалось мне.

Руперт громко обратился к Ширли-Энн:

– Бедняга прочно сел на своего конька. Его теперь не заткнешь. Он совсем помешанный. Входит во все тайные общества вроде «Ку-Клукс-Кристи», «Детки Дороти Л.» и «Боже, храни Холмса». Эти люди считают себя посвященными. Поверьте, дорогая, единственный фанклуб, в который имеет смысл вступать, – Общество Шерлока Холмса в Австралии. Они встречаются раз в год, напиваются до смерти, палят в воздух из ружей и поют: «С днем рождения, Мориарти, чертов ублюдок, с днем рождения тебя!»

Но Ширли-Энн больше посочувствовала Майло. Ему и до прихода Руперта приходилось отбиваться в одиночку.

Полли снова взяла штурвал в свои руки. Она предположила, что они смогут лучше раскрыть тему, если перейдут к следующей части программы и каждый из участников расскажет о прочитанной им книге. Мисс Чилмарк вызвалась начать, но предусмотрительная Полли вспомнила, что Майло в прошлый раз пропустил свою очередь, и передала слово ему. Тот объявил, что будет говорить о «Собаке Баскервильей», после чего в зале послышался громкий и абсолютно неприличный зевок. Все подозрительно уставились друг на друга, но тут лежавший на боку Марлоу зевнул еще раз, и по комнате пронесся приглушенный смешок.

Майло, ничуть не смутившись, объявил, что достоинства «Собаки Баскервильей» легко сокрушают все аргументы, выдвинутые здесь против классического детектива. Великолепная атмосфера и драматичное повествование играют в ней куда большую роль, чем простой ответ на вопрос «кто убийца?», который становится ясен уже за несколько глав до финала.

Следующим выступил Руперт. Он признал, что также восхищается работой Конан Дойла, хотя именно это его произведение находит наименее удачным. Затем он перешел к книге Эндрю Вэча «Бутон», основанной на реальной истории о снайпере, который убивал подростков ради сексуального удовлетворения. Вэчс, объяснил он «Ищейкам», был нью-йоркским адвокатом по делам несовершеннолетних и создавал свои романы по следам подлинных событий, откровенно защищая интересы юных жертв. Он писал их в ярости и гнев, охваченный миссионерским рвением.

Собрание продолжалось. Марлоу, перестав зевать, начал тихонько поскуливать, и слово взяла мисс Чилмарк. Майло попытался возразить, что они уже не раз слышали про «Имя розы», но Руперт с едкой ухмылкой заметил, что это очень многоплановая книга. Одновременно он дал Марлоу легкого пинка, и тот, покрутившись на месте, на время затих. Мисс Чилмарк заверила, что будет говорить исключительно о тех аспектах книги, которые не затрагивала раньше. У нее есть кое-какие свежие идеи насчет того, как Умберто Эко использовал монастырскую библиотеку и какую роль она играет в символическом и повествовательном плане. На раскрытие этих вопросов у нее ушло много времени, поэтому остальные выступления получились скомканными, а до Ширли-Энн дело так и не дошло.

Когда собрание закончилось, Джессика повернулась к новенькой:

– Хотите выпить? «Луна и шесть пенсов» как раз напротив.

Ширли-Энн честно призналась, что редко бывает в пабах. Про «Луну и шесть пенсов» она слышала только то, что на ее стене у входа висит мемориальная табличка, посвященная первой в мире почтовой марке, которую отправили с письмом именно оттуда. Правда, чуть дальше по улице на здании музея почты имелась точно такая же табличка, так что вопрос о том, где произошло это историческое событие, остался открытым. Кроме того, она слышала, что в пабе регулярно проходила выставка редких марок, организованная его владельцем. Ширли-Энн мало разбиралась в почтовых марках, но в свое время ее позабавила эта история с табличками. Она всегда любила такие вещи.

Джессика заметила, что дождь еще идет, так что им лучше укрыться в пабе и подождать, пока он закончится.

– Конечно, если ваш бойфренд не ждет вас дома или что-то вроде этого.

Ширли-Энн польстило это предложение. Она считала, что Джессика занимала более высокое общественное положение, чем она сама. Было совершенно ясно, что эта шикарная дама никогда не обновляет свой гардероб на распродажах. Скорее всего, ее новая знакомая одевается исключительно в дорогих бутиках, где покупателей первым делом почтительно сажают в кресло и угощают кофе в чашечках из английского фарфора. На собрании она успела заметить, что Джессика держится очень уверенно и прекрасно умеет вести себя с людьми. Ширли-Энн ответила, что Берт вернется с работы не раньше чем через час.

Обогнув церковь, они вышли на Брод-стрит и направились по мощеной мостовой в сторону «Луны и шести пенсов».

– Публика там, на мой вкус, грубоватая, – сообщила Джессика. – Я предпочитаю бывать в «Голове сарацина», но у нее есть один недостаток.

– Какой?

– Это любимая забегаловка Руперта. После встреч «Ищеек» он направляется прямиком туда. Руперт может быть забавным, но только в малых дозах, что подтвердят все его жены.

– Жены?

Джессика показала все пять пальцев на правой руке.

В пабе оказалось многолюдно. Им пришлось подождать, пока их обслужат.

– Не знаю, что меня бесит больше, – раздраженно бросила Джессика. – Эта толкотня в зале или барменши, которые смотрят на кого угодно, только не на нас.

Наконец им подали по полпinte пива. Джессика заметила в углу уютный столик, который только что покинула пожилая пара.

– Я пару раз водила сюда Сиду, – призналась она Ширли-Энн.

– Того тихоню?

– Да, безмолвного Сиды. С глазу на глаз он немного разговорчивей. Бедняга жутко застенчив.

Ширли-Энн встала:

– Я заметила, что Полли ведет себя с ним очень мягко.

– Она всех нас опекает. Господи, ну и давка!

– Зачем Сид ходит на собрания, если ему это так тяжело?

– Потому что кто-то сказал ему, что надо бывать на людях, иначе у него поедет крыша.

Он любит детективы, вот и пришел к нам. Представляю, чего ему стоило явиться туда в первый раз.

– Что он читает?

– Как и вы – самые разные вещи, от Уилки Коллинза до Кинки Фридмана. Но у него есть свои пристрастия. Он считается спецом по Джону Диксону Карру, о котором говорил Майло.

– Сид рассказывал вам что-нибудь о себе?

Джессика рассмеялась:

– Вы думаете, он вообще хоть что-нибудь рассказывает? Наверно, я могла бы его расколоть – лет через тридцать. По-моему, он работает в сфере безопасности. Только не в МИ-6. Кажется, ночным сторожем. Там и читает свои книжки, я так думаю.

– Он женат?

– Сомневаюсь. Я не спрашивала. – Джессика глотнула пива и внимательно взглянула на собеседницу. – А вы, как я понимаю, – нет?

– Не замужем? – Ширли-Энн покачала головой. – Мы с Бертом живем вместе, и пока нас обоих это устраивает.

– Как вы познакомились?

– Я ходила в клуб самообороны, где он работал тренером.

– И он сломил вашу оборону?

Ширли-Энн улыбнулась.

– Вроде того. А вы?

Джессика вздохнула.

– Я, как говорится, встала на учет. Уже девять лет назад. Барнаби занимается керамикой. Так он, по крайней мере, говорит, и это хорошо звучит. По сути дела, он лепит миниатюрные дома. Вот такого размера. Знаете, они хорошо продаются. Люди коллекционируют все подряд. Не успокоятся, пока не построят целый городок на крышке телевизора.

Ширли-Энн отметила, что Джессика говорит о муже без особого тепла. В отличие от любой другой темы, которую они затрагивали в разговоре.

– А вы тоже работаете?

Джессика скромно ответила:

– Да, у меня есть картинная галерея на Нортумберленд-плейс. Называется «Вальсингам», но на самом деле она моя.

– Надо же. Я сто раз проходила мимо.

– В следующий раз попробуйте зайти. Обещаю, что не буду ничего вам продавать. Я угощу вас шерри.

– Наверно, вы многое знаете о живописи.

– Только о том направлении, по которому специализируюсь.

– Современное искусство?

– Скорее, актуальное. Надо быть аккуратнее в терминах. Я не занимаюсь абстракционизмом, который обычно ассоциируется с современным искусством. Моя галерея – это витрина для молодых художников, которые все еще ухитряются рисовать пейзажи, не разрезая их пополам застёжкой-«молнией» и не обклеивая обрывками газет.

– Местные художники?

– Нет, со всей страны.

– А сами пишете картины?

– Господи, нет.

– Но зато можете отличить плохие от хороших.

– Милая моя, в девяноста процентах случаев это просто блеф. – Джессика поднесла руку к глазам и стала рассматривать свои длинные ногти. – Ну, что вы скажете об «Ищейках»? Забавные чудачки, правда?

– Мне понравилась ваша дискуссия, – деликатно ответила Ширли-Энн.

– Боюсь, вам это быстро надоест. Мы каждую неделю спорим о том, что лучше – эскапизм или реализм. Головоломки или полицейская рутина. Загородные дома или трущобы. И никогда ни к чему не приходим. Это невозможно. Майло и Руперт стоят на разных полюсах. Я болтаюсь где-то между ними, но не поддерживаю ни того ни другого.

– Думаю, все происходит довольно дружелюбно?

Джессика фыркнула:

– Я бы не сказала. Они готовы убить друг друга.

Ширли-Энн рассмеялась:

– Я серьезно.

– Да ладно вам. – Джессика взяла Ширли-Энн за руку. – Дорогая моя, если вы хотите познакомиться с потенциальными убийцами, вам прямая дорога в клуб «Ищейек». Это самое подходящее место. Они все время читают об убийствах, говорят о них, прокручивают их в уме. Вы можете читать детектив, не принимая в нем мысленного участия?

– Даже не знаю, – ответила Ширли-Энн. – Никогда об этом не думала.

– Мы – эксперты по убийствам, потому что постоянно имеем с ними дело. Мы знаем все уловки и ходы, все кровавые детали. Мы знаем, что и как должна искать полиция. Если на свете существует человек, который может совершить убийство и остаться безнаказанным, то это кто-то из «Ищейек».

В дальнем конце зала раздался взрыв смеха: очевидно, рассказали удачный анекдот. Ширли-Энн посмотрела, не улыбается ли Джессика, но ее лицо было абсолютно серьезным.

Глава 5

В четверг в полицейской штаб-квартире на Манверс-стрит созвали срочное совещание. Новый помощник начальника полиции нацепил очки и, взяв в руки бумаги, произнес:

– Джентльмены, прошу извинить за спешку, но дело не терпит отлагательств. Думаю, все вы помните, что в прошлый понедельник мистер Уигфул представил нам обнадеживающие данные о профилактике преступности в Эйвоне и Сомерсете. – Он кивнул в сторону Уигфула.

– Сэр. – Просиявший Уигфул наклонил голову.

Сидевший напротив Питер Даймонд вспомнил еще одну строчку из школьных лет: «Как дорожит любым деньком малюточка-пчела», но благоразумно промолчал.

Однако оказалось, что ПНП мыслил в том же направлении.

– Конечно, всем этим мы обязаны «Шмелю». Вчера мы получили наводку о серьезном преступлении, готовящемся в Бате. Речь идет об ограблении. Хочу спросить: можете ли вы назвать наиболее ценный предмет, имеющийся в нашем городе?

– Какое-нибудь здание? – предположил Том Рэй, сотрудник администрации.

– Нет, это не недвижимость.

– Что-нибудь из римских терм, сэр? – предположил Уигфул, энергично шевеля усами. – Золотое ожерелье?

– Не настолько древнее.

– Что-то из драгоценного металла?

– Нет.

– Предмет старины?

– Можно и так сказать, хотя ценность вещи вызвана не этим.

– Произведение искусства?

ПНП одарил Уигфула улыбкой.

– Почти в точку. У других есть какие-нибудь соображения?

На лицах всех сидевших за столом было красноречиво написано, что никто не собирается переходить дорогу Уигфила.

– К сожалению, я мало знаю об искусстве, сэр. Где она находится – в Курортном павильоне?

– В галерее Виктории. – ПНП, видимо, почувствовал, что викторина затянулась, и выложил правильный ответ: – Это картина Тернера, пейзаж с аббатством. Акварель. Кто-нибудь ее видел?

Глубокое молчание.

Он добавил:

– Она стоит больше миллиона.

– Что, одна картина? – округлил глаза Том Рэй.

– Д.М.У. Тернера считают едва ли не величайшим художником Англии. Это одна из самых ранних его работ, написанная им в двадцать один год.

– Надеюсь, она застрахована, – заметил Даймонд.

ПНП бросил на него возмущенный взгляд.

– Мы не позволим ее украсть!

– Кто охраняет галерею – «Неуязвимые»?

«Неуязвимыми» называли частную службу безопасности, которая занималась охраной мэра, представителей администрации и всех общественных зданий в городе. В полиции насчет «Неуязвимых» ходило много шуток.

– Да, но это не значит, что мы должны снять с себя ответственность.

– Разумеется, нет, – поддакнул Уигфул. – Если украдут Тернера, газеты будут пинать нас, а не «Неуязвимых».

– И кто Глубокая глотка? – спросил Даймонд.

– Глубокая что?

– Ваш источник, сэр.

– Точно неизвестно, – вздохнул ПНП. – Наводка поступила к нам из вторых рук. Один бристольский агент – сержант Клевер – искал информацию по другому делу и узнал об этом от своего осведомителя.

– Здорово, – Даймонд почувствовал, что его разбирает смех.

– Что?

– Что полицейского агента зовут Клевер. А кто тогда его «крот» – мистер Лютик?

ПНП густо покраснел.

– Прошу вас относиться к делу серьезно, суперинтендант. Сержант Клевер – очень перспективный молодой офицер.

Даймонд постарался погасить приступ веселости, вспомнив о списке работ, которые ему предстояло сделать в своем новом доме в Уэстоне. Если повестка дня ограничится Тернером, совещание закончится быстро.

– Суть дела в том, – продолжал ПНП, – что у нас есть возможность предотвратить крупное преступление. Я хочу, чтобы мы проверили охрану галереи. Мистер Уигфул, основная нагрузка ляжет на команду «Шмеля». Вы можете сотрудничать с «Неуязвимыми». Главное – добиться результата. Картина находится в постоянной экспозиции на верхнем этаже. Проверьте окна, крышу, все ходы и выходы. Убедитесь, что сигнализация работает, а охрана знает о возможной краже. Грабители, специализирующиеся на произведениях искусства, относятся к наиболее профессиональным представителям своего дела.

– Вы правы, сэр, – подтвердил Уигфул. – Если я правильно понял, сэр, наша цель – их отпугнуть?

ПНП помедлил с ответом.

– Мы занимаемся предотвращением преступлений, не так ли?

– Абсолютно верно, но...

– Вас что-то смущает, Джон?

Уигфул постарался как можно осторожнее выбрать слова:

– Быть может, я ошибаюсь, сэр, но мне кажется, что у нас есть возможность установить слежку и схватить этих негодяев с поличным.

– Вот как? – в голосе ПНП не прозвучало ни одобрения, ни порицания.

– А если так, может, нам не стоит демонстративно усиливать охрану?

– Вы так думаете?

– Да, если мы не хотим, чтобы они что-то заподозрили.

– Собираетесь устроить им ловушку?

– Уверен, что с помощью команды «Шмеля» и при поддержке других отделов я смогу поймать их с поличным, сэр.

– Хорошая идея.

План Уигфула был немедленно одобрен.

– Мне нужны сотрудники, на которых я могу положиться, сэр, и с которыми я хорошо знаком. Отдел убийств сейчас не особенно загружен, поэтому...

При упоминании его отдела Даймонд подскочил на месте.

– Нет, постойте. Сколько продлится эта канитель? Я не хочу, чтобы мои люди до конца света торчали в галерее.

– Возможно, там они чему-то научатся, – ввернул Том Рэй.

– Вы сейчас не сильно заняты, – возразил Уигфилд. – Может, в ближайший месяц вообще не будет никаких убийств.

– Я сам могу его устроить, – пробормотал Даймонд. Но он знал, что у него мало шансов защитить свою епархию.

ПНП решил, что четверо из убойного отдела должны присоединиться к операции «Шмель». Уигфул отберет их сам. Тот имел наглость потребовать инспектора Джули Харгривз, лучшего детектива Даймонда.

– Я не могу отпустить Джули.

– Но мне нужна женщина, – настаивал Уигфул.

– Это мы и так знаем, – сострил Том Рэй.

Уигфул раздраженно покосился в его сторону.

– Она как раз то, что нам нужно. Мы посадим ее за столик продавать открытки.

– Превосходно, – сказал Даймонд. – Может, пусть еще смахивает пыль с картин?

Глава 6

В пятничном номере «Гардиан» в рубрике «Происшествия» появилось сообщение об убийстве менеджера в Солтфордском банке и о суде над старшим клерком. Стефани Даймонд случайно наткнулась на заметку, когда искала прогноз погоды. Расположение материалов в газете всегда ставило ее в тупик. Фамилия Питера там не упоминалась, но она сразу поняла, почему он в последнее время так долго задерживался по вечерам. Вернувшись домой за полночь, забирался в постель не с той стороны кровати и что-то бормотал о срочном совещании. С недавних пор у него все время проходило в совещаниях и составлении отчетов.

Завтрак она подавала минута в минуту, водрузив два поджаренных яйца на ломтик хрустящего тоста и положив их на тарелку вместе с помидорами и куском бекона. Плотная еда давала Питеру заряд энергии на целый день. Стефани считала, что это справедливая плата за чашку чая, которую он приносил ей в постель по утрам. Без горячего чая она не могла бы шевельнуть и пальцем. Кроме того, он готовил обед, когда был дома.

Питер взял газету и просмотрел результаты футбольных матчей. Пропустив заметку на второй странице, широко зевнул.

– Есть шансы на спокойный день? – спросила Стефани.

– Сто процентов, – ответил он холодно.

Ее кольнуло беспокойство.

– Надеюсь, ты не сделал какой-нибудь глупости?

– Например?

– Например, опять подал в отставку.

Он криво усмехнулся:

– Нет, просто немного сели батарейки.

– А чего ты ждал от Эйвона и Сомерсета? Думал, это Гималаи?

Питер воткнул вилку в яичницу.

– Я не так уже привередлив. Меня устраивали и холмы Мендип-Хиллз, но здесь я вижу только сомерсетские болота. Взять хоть то убийство в понедельник. Парень просто вышел на улицу, пожал мне руку и во всем признался.

– Это повысит процент раскрываемости в твоем отделе.

Даймонд не ответил. Его всегда мало волновала статистика.

– Нельзя хотеть всего и сразу, – продолжала Стефани. – Мы живем в прекрасном старом городе. Здесь спокойное место. А если тебе хочется чего-то посерьезней, надо искать работу в Манчестере или Глазго. Только не думай, что я с тобой туда поеду.

– Спасибо. – Он отправил в рот кусок бекона. – Но ты ошибаешься, Стеф. В Эйвоне и Сомерсете полно негодяев.

– Ты имеешь в виду полицию?

Он ухмыльнулся:

– Тогда о ком ты говоришь? О местных фермерах, протестующих против налогов?

– О профессионалах. Самых ловких жуликах и пройдохах, которых я когда-либо встречал.

– Здесь, в Бате?

– В Бристоле. Я тебе не говорил? Они обчистили один из тех роскошных модных магазинов – как их там...

– Бутиков?

– Да. В Саусмиде. Ночное ограбление. Не знаю, сколько стоили эти брендовые шмотки, но они их взяли. Все замки на месте, ничего не сломано, никаких следов, даже отпечатков ног. Мы их так и не поймали. У нас ушла уйма времени, чтобы понять, как они это провернули.

– Если дверь не взломали, значит, у них был ключ, – предположила Стефани.

– Нет.

– Тогда кто-то помогал им изнутри.

– Тоже мимо.

– Ты говоришь, они даже не входили в здание?

– В этом не было необходимости.

– Ладно, сдаюсь. Как это произошло?

– Они вооружились длинным багром и работали через щель в почтовом ящике. Подтягивали к себе вешали с помощью крюка и вытаскивали платья по одному. Даже владелец магазина признался, что восхищен их наглостью.

На плите закипел чайник, и Стефани стала заваривать растворимый кофе, а Даймонд погрузился в размышления о предстоящем дне. Три или четыре часа сплошных отчетов для прокуратуры. Рутинная, которую он не мог переложить на других. Потому что все его лучшие сотрудники теперь работали в «Шмеле».

Стефани прибавила звук у радио. Даймонд молча закончил свой завтрак.

Какой-то балагур на «Радио Бристоль» без умолку трещал о пробках на дорогах. Стеф в начале дня всегда слушала местные каналы. Даймонд не выносил радио по утрам, но если уж ему приходилось что-то слушать, предпочитал менее болтливый «Четвертый».

Короткий промежуток времени, когда Питер заканчивал есть и поднимался из-за стола, Стеф считала самым удобным моментом, чтобы поделиться своими планами. На этот раз на языке у нее вертелось одно признание.

– Кажется, я тебе не говорила, – начала она, прекрасно зная, что никогда не затрагивала эту тему. – Пару недель назад, когда мы сюда переехали, ты ушел на работу, а я пыталась распаковать одну из наших коробок, как вдруг слышу – за спиной кто-то копошится. Я чуть не подскочила от страха. Это был котенок, совсем крошечный, он играл с куском газеты, в которую мы заворачивали тарелки. Знаешь, как будто он всегда жил в этом доме. – Стеф заметила в глазах мужа опасный огонек и торопливо добавила: – Понятия не имею, откуда он взялся. Само собой, я расспросила соседей. Пит, ты не представляешь, что это за очаровательное существо: сам маленький, а уши и лапы большие, как у взрослого, и три полоски на спине. Я пыталась выяснить, кто здесь жил до нас, но никто ничего не знал. В конце концов, я решила отвезти его в Клавертон.

– Приют для бездомных животных? – уточнил Даймонд. – Хорошая идея, Стеф.

Она кивнула:

– Да, к ним часто обращаются за помощью. По правде говоря, мне не хотелось его там оставлять – он еще совсем малыш.

– Тем труднее о нем заботиться.

– Наверно. В общем, их сотрудница сказала, что сообщит мне, если кто-то его заберет.

– Его забрали? – с надеждой спросил Даймонд.

– Э... нет.

– И где он теперь? Все еще там?

– Я вчера к нему ездила.

– В Клавертон? Что там болтают эти идиоты?

Стеф с вызовом вскинула голову. На этот раз Питер зашел слишком далеко.

Но его последняя фраза относилась вовсе не к приюту. Он встал и подошел к радио. Ведущий продолжал возбужденно тараторить: «... так что если нас сейчас вдруг слушает пара гениев, которые могут в этом разобраться, пусть обратятся к нам. Я назову номер, по которому можно позвонить. Что означает это сообщение? Может, это просто «валентинка»? Или какой-то тайный код? Или зашифрованное послание? Одно скажу вам точно: если какой-то умник попытается втюхать на наш канал коммерческую рекламу, у нас будут серьезные проблемы! Нет,

я ставлю на старую добрую шараду. Тут мне говорят, что то же самое сообщение прислали и на другие каналы. И в газеты тоже. Теперь все графство будет ломать головы над этой загадкой. Докажем, что у «Радио Бристоль» самая умная аудитория! Решим ее вместе!»

– Ну, так озвучьте ее еще раз, – пробормотал Даймонд.

Похоже, его услышали, потому что тут же последовал ответ:

«Я прочту вам ее еще раз, а потом мы перейдем к спортивным новостям. Возьмите карандаш и бумагу. Готовы? Итак:

Джей-Эм-У-Ти.
Я окружен секьюрити.
Виктория перечит мне.
Но скоро я приду к тебе.

Записали? Теперь пораскиньте мозгами. А мы идем дальше. На очереди спортивные новости. Но поверьте, друзья, я не шучу, все по правде: мы получили это сообщение сегодня утром, буквально ни свет ни заря, и без понятия, кто и зачем его послал. Что это еще за Джей-Эм-У-Ти? И какая такая Виктория? Решайте сами».

Даймонд взял со стола карандаш и номер «Гардиан», который Стефания приготовила для решения кроссворда, и сделал пометку на полях.

Стефания хмыкнула:

– Ты всегда говорил, что разгадывать головоломки – пустая трата времени.

– Да, если это кроссворд, – ответил он, оторвав клочок газеты и сунув его в карман.

Она неуверенно добавила:

– Насчет того котенка. Уверена, как только ты его увидишь, сразу влюбишься.

Он рассеянно буркнул:

– Да, конечно.

– Значит, ты не против, если...

– Как скажешь, дорогая. Мне пора идти.

В полицейском участке он встретил встревоженного Джона Уигфула. Тот сидел в диспетчерской, и его большие черные усы свисали вниз.

– Уже слышал? – спросил Уигфул.

– Смотря что.

– Сообщение про Тернера. Его разослали по всему городу. На радио. В газеты. Нам звонят люди.

– Поймал кое-что по радио, пока завтракал. Думаешь, это как-то связано?

– Джей-Эм-У-Ти, – ответил Уигфул. – Инициалы Тернера. Плюс галерея Виктории. «Скоро я приду к тебе». По-моему, все ясно. Сомневаюсь, что это какой-то псих.

– Скорее, поэт.

– Вот именно.

– Может, специалист по рекламе, – добавил Даймонд. – Обращение к местным СМИ всегда довольно эффективно.

– По-твоему, он пудрит нам мозги? – спросил Уигфул с таким видом, словно Питер и впрямь мог ответить на этот вопрос. – Когда человек собирается украсть картину, он не рассказывает об этом на каждом перекрестке.

– Картина на месте?

– Слава богу, да. Я только что говорил с Джули Харгривз. Она сейчас в галерее. Мы все время держим связь. Пока все в порядке.

– Тогда в чем проблема?

– Ни в чем. Просто меня это бесит. Я получаю наводку о возможном ограблении, набираю команду, и вдруг по всему городу расходится этот стишок. Кто-то явно хочет меня «подсидеть».

Даймонд подавил улыбку.

– Не одолжишь мне на пару часов Джули? Я собираю показания по Солтфордскому делу. Нужно допросить всех клерков в банке. Джули отлично с этим справится.

– Извини, – ответил Уигфул. – Она работает со мной.

– И потом, если у меня будет время заглянуть в галерею, я могу посмотреть, как там дела с охраной. Знаю, что у тебя все под контролем, но свежий взгляд никогда не помешает.

– Ты думаешь? – В глазах Уигфула мелькнула неуверенность.

Грубо нарушив правила, Даймонд припарковался на Бридж-стрит прямо под статуей королевы Виктории, которая возвышалась в глубокой нише на фасаде галереи. Для городка в георгианском стиле Бат очень щедро чтит память Виктории, присвоив ее имя мосту, парку, нескольким улицам, пабу и закусочной, – все это не считая галереи. Если учесть, что за все время своего долгого правления королева ни разу не посетила Бат, вряд ли такая щедрость была оправданна. Исключение составил короткий визит в ранней юности, когда она еще не стала королевой. Говорили, что однажды Виктория вышла на балкон отеля и услышала что-то нелицеприятное насчет толщины своих лодыжек. С тех пор она исключила Бат из списка своих визитов.

Выйдя из машины, он посмотрел снизу вверх на царственную даму. В голове у него все еще крутилась фраза, услышанная за завтраком: «Виктория перечит мне. Но скоро я приду к тебе». Что она значит на самом деле? То, о чем подумал Уигфул: угрозу ограбить галерею, несмотря на усиленную охрану? Или ее можно интерпретировать иначе?

Вполне возможно, что послание относилось не к обладательнице толстых лодыжек, а к какой-нибудь современной Викки, так или иначе связанной с Тернером. Скажем, сотруднице галереи. Или куратору выставки. «Какого черта, – осадил себя Даймонд, – делом занимается Уигфул, а не ты».

На углу Бридж-стрит в ожидании последних новостей стоял местный журналист. Даймонд узнал паренька из «Бат кроникл». Слабовато для скандальной головоломки, над которой якобы ломал голову весь город.

– Скажите, вам поручили вести это дело, супер?

– Какое дело? – Даймонд постучал в дверь, раздраженный тем, что его назвали «супером». Галерея еще не открылась для публики, но служба охраны уже должна была находиться внутри.

– О картине Тернера. Ее украли?

– Не понимаю, о чем вы.

– Бросьте, мистер Даймонд. Я делаю свою работу, как и вы свою.

– Насколько мне известно, ничего не украдено.

– Картина все еще на месте?

– Думаю, да.

– Но вы должны относиться к этому серьезно, верно? Вас должно беспокоить, что они провернут это дело.

– Я что, выгляжу обеспокоенным?

Внутри раздался звук отодвигаемого засова. Одна из тяжелых дверей приоткрылась, и за ней промелькнуло чье-то лицо и послышалось потрескивание рации. Наконец щель увеличилась настолько, чтобы он смог войти. Репортер успел сказать что-то про сотрудничество, но Даймонд уже шагнул внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась прямо перед носом представителя прессы.

В последний раз Даймонд бывал в этом мраморном черно-белом вестибюле еще в то время, когда внизу располагалась библиотека. Теперь оба этажа занимала галерея, а постоянная выставка находилась наверху. Его проводили по широкой лестнице мимо каких-то сельских пейзажей, изображавших пасущихся овец или что-то в этом роде, – ему они больше напоминали белых броненосцев или гигантских крыс. Наверно, у пейзажистов всегда были проблемы с овцами, подумал он.

Даймонд редко посещал музеи, и то, что он увидел наверху, произвело на него сильное впечатление. Сразу за лестницей открывался просторный атриум, окруженный колоннами и увенчанный легким позолоченным куполом со знаками зодиака. Галерея удивила его своими размерами. Это был один из лучших образцов викторианского стиля – длинное помещение размером с бальный зал, с прозрачной закругленной крышей и копией фриза Парфенона в натуральную величину. Окон здесь не было. Полотна в позолоченных рамах висели на темно-бордовых стенах и размещались на специальных подставках в центре зала.

– Надежно, как в Английском банке, – заметил он Джули Харгривз, которая поднялась к нему из-за столика. – Возможно, он попробует забраться через крышу, как в «Мужских разборках».

Джули уставилась на него непонимающим взглядом, и он вспомнил, что она появилась на свет позже, чем сняли этот фильм. Ему уже не в первый раз приходилось напоминать себе, что он работает с женщиной, которой чуть больше тридцати. Что совсем не мешало ей быть его первой помощницей и отличным детективом. Блестящим, как новенькая монетка. Собственный профессиональный подход к работе заставлял его забывать, что она к тому же еще и симпатична. А может, он просто постарел.

– Я про фильм, – объяснил он. – Может, видели «Топкапи»? Там такой же способ взлома... Нет? Не важно.

– На крыше всю ночь сидели двое, – заметила Джули.

– Двое наших?

Она рассмеялась:

– Надеюсь. И еще пара дежурит сейчас.

– Значит, картина пока на месте?

– Должно быть, вы хотите на нее взглянуть. – Джули повела его по галерее к одной из стоек в центре зала. – Она не такая большая, как я думала.

Прежде, чем посмотреть на полотно, он тщательно изучил крепления на стойке. Тернер был прибит к деревянной подставке с помощью гвоздей, пропущенных через металлические пластинки на обратной стороне рамы. Любой грабитель с фомкой мог запросто оторвать картину от держателя, но галереи обычно не предусматривают защиту от такого взлома. Они больше полагаются на охранные системы и надежные замки.

Что касается самой картины, она оставила его равнодушным. Какая-то мутная акварель с видом на аббатство, к тому же нарисованная под таким причудливым углом, что западный фасад казался намного выше, чем на самом деле. Даймонд часто сиживал в церковном дворике и смотрел на здание с этой стороны. Батское аббатство – живописное сооружение, но особо крупным его не назовешь. Никаких других достоинств в этом произведении он не обнаружил. Бледно-голубые и желтые цвета, широкие мазки – ничего примечательного. Все тускло и блекло, как осенний день. В нижней части картины виднелся пустой паланкин, возле которого маячили двое слуг, и еще в двух-трех местах, тщетно пытаясь оживить унылый пейзаж, темнели женские фигуры в юбках.

– Вы бы повесили такое у себя в гостиной? – спросил он Джули.

Она улыбнулась:

– Думаю, ей лучше висеть здесь, где все могут ею наслаждаться.

– Давайте начистоту. Тернер наверняка написал много прекрасных картин, но эта акварель к ним точно не относится.

Джули покачала головой:

– Я видела и похуже. Вон там висит «Мост смерти» – у меня от нее мурашки по коже. Жутко подавляет.

Даймонд сообщил девушке, что на время забрал ее у Джона Уигфула, и она просияла от удовольствия. Джули предпочитала работать с реальными людьми – даже если это означало просто допрашивать свидетелей, – а не смотреть на депрессивные полотна викторианских мастеров. Она подозвала одного из дежуривших на лестнице сержантов и попросила его присмотреть за галереей, пока не пришлют кого-нибудь ей на смену.

Глава 7

Полли Уайчирли взяла в руки чашку и спросила:

– Надеюсь, вы не против, что мы встретились здесь? Это мое любимое место. Я часто представляю, как тут сживал милый инспектор Мегрэ.

Она позвонила неожиданно, в половине девятого утра, когда Ширли-Энн была в душе, а Берт собирался на работу. Протянув ей телефон и полотенце, он начал так ее тискать и щеко-тать, что она взвизгнула в знак протеста. Страшно представить, что о ней подумала мисс Уайчирли. Как бы там ни было, Полли пригласила ее на встречу в «Ле Паризьен» на Шайрс-Ярд.

Утро выдалось пасмурным, и Ширли-Энн надела свой розовый брючный костюм с узором из ягод ежевики. Он достался ей почти даром на благотворительной распродаже вместе с белым свитером из овечьей шерсти, который она носила под куртку. Полли была одета менее броско, в длинное темно-лиловое пальто. Ближе к полудню неожиданно выглянуло солнце, и они устроились под одним из полосатых зонтиков на открытой веранде. Из глубины кафе еле слышно доносилась песня «J'attendrai».

Полли была права. Этот солнечный пятачок между Милсом-стрит и Брод-стрит напоминал уголок Латинского квартала. «Ля Паризьен» и «Кафе Рене» стояли почти рядом, и официанты здесь были настоящими французами.

– Но гораздо чаще я вспоминаю Руперта Дэвиса с трубкой в зубах. Вы его, конечно, не помните, дорогуша. Вы еще слишком молоды. Это было черно-белое кино, его показывали каждый понедельник.

– Телесериал?

– Да. Там блистал жутко элегантный Ивен Солон, игравший Лукаса, его приятеля. Красавчик в белой шляпе. Просто сказка. – Полли мечтательно взглянула на дворик. – Иногда я представляла, что мы с ним женаты. – Она тряхнула головой. – Но я хотела поговорить с вами о том вечере понедельника.

– О встрече «Ишеек»?

– Да. Вам не понравилось? Мы были не в лучшей форме, и я бы не хотела, чтобы вы ушли от нас с неприятным чувством.

– Нет, что вы, я была в восторге, – заверила ее Ширли-Энн.

Но Полли пропустила ее слова мимо ушей.

– Конечно, хуже всего был Руперт со своей собакой. На самом деле он довольно милый человек, но его воротит от так называемых условностей. По его мнению, мы просто дремучие обыватели, которых надо шокировать. Само собой, это не оправдывает поведения его собаки. – Она дрожащей рукой поднесла ко рту чашку.

– Но меня это совсем не огорчило. Честное слово.

Видимо, Полли так близко к сердцу принимала дела «Ишеек», что этот инцидент задел ее лично. Но по мере того, как шла беседа и они обсуждали все новые подробности недавнего вечера, становилось ясно, что на самом деле ее беспокоило нечто большее, чем собака Руперта. Она не сразу подступила к главной теме, погрузившись в воспоминания о создании клуба в октябре 1989-го и обронив уже слышанную Ширли-Энн фразу о его покойном основателе, Томе Пэрри-Моргане: «Бедняга уже умер». Потом она стала перечислять фамилии всех участников клуба и причины, по которым они из него ушли, словно хотела доказать, что во всех их бедах виноват не только Руперт.

– У нас была Энни Аллен, пожилая дама, она перестала приходить из-за холодных вечеров. Молодой человек, которому больше нравились фильмы, а не книги. Как бишь его звали? Алан Желлико. Гилберт Джонс, тот протянул всего три недели, потому что мало что читал.

Сестры Пирс, обе вышли из клуба, как только узнали, что в те же самые часы рядом с нами работают курсы макраме.

Список получился длинным. Полковник Твигг, который заглянул к ним по ошибке, решив, что они всерьез борются с преступностью. Мэрилин Слэд-Бейкер, девушка, вскоре получившая условный срок и запрет на посещение их клуба. Семья Бентин, туристы из Оклахомы. Еще несколько имен.

Ширли-Энн не стала считать всех участников, но в целом выходило, что всего в клубе побывало человек пятнадцать – не так уж мало. Из оставшихся шести Полли и Майло состояли в нем с самого начала. Чуть позже присоединилась несносная мисс Чилмарк, достававшая всех «Именем розы»; потом в один прекрасный вечер появился Руперт, похожий на беглого каторжника, которого преследовали несколько недель; застенчивого Сида привел его собственный врач; а Джессика вступила в группу только год назад.

– Я могу написать целую работу о мотивах, по которым каждый из них оказался в клубе.

– А какие у вас были мотивы? – спросила Ширли-Энн.

Этот вопрос слегка озадачил Полли.

– Честно говоря, никогда об этом не думала. Меня больше волнует, почему приходят другие. Наверно, мне просто нравится быть в центре общества. Остальные смотрят на меня как на нерушимую опору. К тому же я люблю детективы.

– А Майло? Зачем он ходит в клуб?

– Скорее всего, за компанию, хотя мне кажется, что это один из тех людей, которые готовы вступить куда угодно. Он является членом «Общества Шерлока Холмса» и еще бог знает каких. Фанат Агаты Кристи, Дороти Сэйерс, Эдгара Уоллеса – все это про него.

– Кто он по профессии?

– Чиновник на пенсии.

– Я так и думала.

– Майло – одиночка. Женщины его не привлекают, хотя он с нами очень любезен, как все мужчины такого сорта. Живет на собственной речной яхте на канале. Она называется «Миссис Хадсон», в честь квартирной хозяйки Холмса. Красивый кораблик, весь в цветочных горшках. Мы проводили у него пару встреч. Как-то даже устроили вечеринку на Рождество.

– Он и зимой там живет? – удивленно спросила Ширли-Энн.

– Да, в холодное время это уютное гнездышко. По крайней мере, так мне показалось, когда я там была.

– Ни за что бы не стала жить на яхте. А вдруг кто-нибудь заберется с берега?

– Всегда приходится чем-то рисковать. Вам понравилось, как вас встретили? – спросила Полли с невинным видом.

– Джессика отнеслась ко мне дружелюбно.

Полли сдержанно кивнула.

– Я видела, что вы пошли с ней в кафе после собрания.

– Да, чтобы переждать дождь.

– Она очень ценный член клуба, – неохотно признала Полли.

Ее обычная благожелательность вдруг исчезла, и Ширли-Энн показалось, что как раз эта тема была главной причиной ее недовольства. Вероятно, по каким-то неведомым причинам ей не следовало уходить с собрания вместе с Джессикой.

– Джессика в курсе всех новинок, – заметила Ширли-Энн, стараясь говорить как можно более нейтральным тоном.

– О да. – Полли отхлебнула кофе, не спуская с нее глаз поверх чашки. – К тому же она умеет снять накал, если дискуссия становится слишком напряженной. Мне нравятся ее едкие остроты. И вообще, она очень умна, это сразу видно.

«Тогда в чем дело, – подумала про себя Ширли-Энн. – Чем она тебе так насолила?»

Полли добавила:

– Кстати, у нее есть картинная галерея на Нортумберленд-плейс.

– Да, я слышала. «Вальсингам».

– Судя по всему, это ее частная собственность.

– Мне тоже так показалось.

– Она постоянно приглашает нас туда на чашку чая.

Похоже, Полли все еще прощупывала почву.

– Меня она тоже пригласила.

– Конечно, я не хочу вмешиваться, – продолжала Полли, – и, возможно, это совсем не мое дело, но я считаю, вам надо быть с ней поосторожней. Джессика не так проста, как кажется.

– Не так проста? Что вы имеете в виду?

– Я сказала достаточно. – Ее взгляд скользнул куда-то за плечо Ширли-Энн. – Как вы думаете, что там происходит?

Ширли-Энн обернулась. В переулке, уходившем в сторону Брод-стрит, появились полицейский в форме и еще двое мужчин. Они стояли на тротуаре, внимательно разглядывая не то крышу, не то верхний этаж в одном из зданий.

– Это Музей почты, – заметила Полли.

– Да. Вы сказали, что Джессика не так проста. Это значит, что у нее есть какие-то секреты или что-то в этом роде?

Но Полли уже забыла про Джессику.

– Надеюсь, его не ограбили. Там много ценных марок. Вы были в музее?

– Сто лет назад.

– Жаль, если его обокрали. Очень милое местечко, к тому же создано исключительно на частные пожертвования, насколько мне известно.

– Возможно, ничего страшного не случилось. Просто проверяют безопасность.

– Надеюсь, что так. – Полли взглянула на часы. – Спасибо за приятную беседу. Вы придете на следующей неделе, не правда ли? Свежие люди всегда вдохновляют, тем более такие начитанные, как вы.

– Приду, если смогу.

– Чудесно. Я оплачу счет. Я настаиваю, дорогуша. Нет, не могу удержаться – хочу спросить у полисмента, что там стряслось.

– Наверно, новое дело для инспектора Мегрэ, – попыталась пошутить Ширли-Энн, но ее уже не слышали.

Полли бросила на блюдечко со счетом пятифунтовую банкноту и поспешила через двор.

К концу этой встречи Полли нравилась Ширли-Энн меньше, чем во время первого знакомства.

Глава 8

Когда Питер Даймонд и Джули Харгривз вернулись из Солтфорда, в полицейском участке на Манверс-стрит царил суматоха. Констебли и гражданские носились по коридорам с папками, файлами и факсами. Телефоны во всех кабинетах трещали, как цикады. Даймонд остановил старшего инспектора.

– Что у вас стряслось? Можно подумать, на город напал Кинг-Конг.

– Все из-за чертовых газет, – буркнул инспектор. – Они готовы нас живьем сожрать.

– Каких газет? «Бат кроникл»?

– Всех британских. Особенно таблоидов. А также радио и телевидения. Джон Уигфул в бешенстве.

– Почему? Что им от нас нужно?

– Заявление по факту ограбления. Мы его вот-вот сделаем, но им не терпится.

– Какого ограбления?

– Вас что, не было в городе? Кто-то грабнул Музей почты и украл самую старую марку в мире.

– В Бате? Я не знал, что у нас есть такая марка.

Старший инспектор криво усмехнулся:

– Уже нет.

Как вскоре выяснилось, марка обычно не хранилась в музее, но накануне ее одолжили у владельца (чье имя держалось в секрете) на время выставки. Второго мая 1840 года сотрудница почты по ошибке проштемпелевала несколько конвертов с новенькими марками «Черный пенни» за четыре дня до официального открытия почтовой службы. Один из них чудом сохранился и спустя полторы сотни лет был выставлен в музее.

– Сколько стоит марка?

– Во всем мире существует только две такие марки. Специалисты называют их «каверами», когда речь идет о конверте в целом. В 1991-м одна была продана на аукционе японскому коллекционеру за миллион триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Она попала в Книгу Гиннеса как самая дорогая марка в мире.

– Ее застраховали?

– Люди из агентства уже здесь.

– Что с охраной?

– Видеонаблюдение и крепкие замки. Марка хранилась на верхнем этаже в специальном шкафчике, привинченном к стене. Вор забрался внутрь через верхнее окно.

– Где это было?

– Знаете переулок между Брод-стрит и Шайрс-Ярд? Парень прихватил с собой режущий инструмент, чтобы вскрыть шкафчик. Оперативники говорят, что он вылез назад тем же путем – через подъемное окно. Наверное, у него была лестница.

– И никто ничего не видел? – удивился Даймонд.

– Есть версия, что он переоделся мойщиком окон и проделал все это на глазах у прохожих, где-то между семью и девятью утра. Всем известно, что в это время, пока еще не открылись магазины, на улицы выходит целая армия чистильщиков. Он мог свободно пройти по Брод-стрит с лестницей и ведерком, и никто не обратил бы на него внимания. В ведерке, кстати, удобно носить инструмент.

– Неплохо.

– Джон Уигфул так не думает. Пресса уже палит по нам из всех орудий, а завтра из нас сделают решето. Самое смешное, что мы послали кучу людей охранять галерею Виктории, а о марке никто даже не подумал.

Оставшись наедине с Джули, Даймонд предупредил, что с этой минуты она целиком и полностью занята убийством в Солтфордском банке.

– Вам нельзя отвлекаться даже на минуту, ясно? На вас десятки показаний, которые могут совершить прорыв в расследовании дела.

– Разве?

– Ну, если вы хотите провести весь день, утирая слезы Уигфулу...

Даймонд нащупал в кармане клочок бумаги, который вырвал сегодня утром из газеты. Перечитав содержание записки, он отправился искать Уигфула. Герой дня сидел в одном из кабинетов на первом этаже. Вокруг него кипела бурная деятельность. Факсы и файлы летали по всей комнате. Старший инспектор торчал за большим столом, заваленном бумагами. Выглядел он примерно так, как и ожидал Даймонд: застывший взгляд и телефонная трубка в руке. Одну руку он держал на затылке. Длинные усы смотрели строго вниз, воспаленные глаза налились кровью. Печальное зрелище.

Сержант, которого Даймонд почти не знал, подал из угла реплику:

– Он очень занят, сэр. Скоро начнется пресс-конференция.

– Я как раз по этому вопросу.

Уигфул положил трубку, и телефон тут же зазвонил снова. Даймонд прижал его рукой.

– На минутку, Джон.

– У меня вот-вот начнется встреча с прессой.

– Я знаю. Ты все продумал?

– Продумал что?

– Заявление от имени полиции.

– Разумеется. Я тебе не какой-то новичок.

– Можно почитать?

– Его сейчас копируют. Можешь взять себе один экземпляр, если хочешь.

– Что ты собираешься говорить о «Шмеле»?

Уигфул уставился в пространство с видом упрямого верблюда, не желавшего сдвинуться с места.

– Ничего. Тернер тут ни при чем. Я не сомневаюсь, что мы предотвратили ограбление в галерее, но это не имеет никакого отношения к марке.

– Боюсь, что имеет, Джон, и репортеры быстро это раскопают. Они не такие дураки. Тебе начнут задавать вопросы, и ты должен знать, как на них ответить.

– О Тернере? – безразлично спросил Уигфул.

– О сообщении, отправленном на радио сегодня утром. – Он снова сунул руку в карман и прочитал стишок Уигфулу:

Джей-Эм-У-Ти.

Я окружен секьюрити.

Виктория перечит мне.

Но скоро я приду к тебе.

В глазах Уигфула забрезжило что-то похожее на понимание.

– И?

– Разве не ясно? – ответил Даймонд, стараясь перекрыть звон телефонов. – Нас обвели вокруг пальца, Джон. Тернер был отвлекающим маневром. Виктория – это не название галереи. Это марка. «Черный пенни» с изображением королевы Виктории.

– Ты думаешь? – пробормотал Уигфул. Его измученный взгляд на секунду остановился на Даймонде, скользнул в сторону и вернулся к нему снова, но уже острый как бритва. – «Виктория перечит мне». Вот черт. Почему это не пришло мне в голову?

– Тебе не за что себя корить, – великодушно заметил Даймонд. – Такое с каждым может случиться. В начале дела всегда легко запутаться.

– Когда ты об этом догадался?

– Несколько минут назад, как только услышал про ограбление.

– Этот ублюдок выставил меня на посмешище. Он дал понять, что намерен делать, а я ни черта не понял.

– Поэтому тебе нужно держаться начеку, когда будешь говорить с прессой, Джон. Они сразу тебя прищучат.

Уигфул нервно взлохматил волосы.

– Что посоветуешь?

– Скажи им, что это необычное ограбление. Хорошо спланированное, дерзкое. Мы имеем дело с хитрецом, любителем загадок, которому нравится говорить о своих планах, но в завуалированной форме. Разложи все это по полочкам, объясни, как двусмысленно его послание. Слово «Виктория» может означать десятки разных мест в городе. А потом намекни, что этот умник не так уж умен, потому что он не сможет продать марку. Это то же самое, что попытаться сбыть «Джоконду».

– Хороший ход, – кивнул Уигфул. – Кстати, что, по-твоему, он собирается с ней делать – потребует выкуп?

– Возможно. Но я не стал бы говорить об этом прессе, даже если они сами выскажут такую мысль. Поверь моему богатому опыту – нельзя строить никаких домыслов о том, что будет дальше. Только факты. Скажи, что мы начали полномасштабное расследование, и точка.

– Питер, я тебе очень благодарен.

– Да брось.

– Нет, правда.

– Ладно. Не забудь об этом, пока не угостишь меня выпивкой.

Глава 9

В витрине галереи «Вальсингам» стояли две большие картины: обе изображали клоунов в легком гриме, наполовину скрывавшем черты лица. Художник пожертвовал долей реализма, чтобы лучше выявить характеры участников пантомимы, и ему это блестяще удалось. Присмотревшись сквозь слой краски, можно было заметить, что один клоун смеется под накрашенной улыбкой, а другой скорбно поджимает губы; мужчина бросал на женщину хищный взгляд, но та смотрела в сторону, очевидно, чувствуя его интерес и отвечая на него презрением. Идея была неоригинальна, зато исполнение великолепно. Прежде чем войти внутрь, Ширли-Энн несколько минут рассматривала эти картины.

Вместо Джессики из-за стола, украшенного букетом желтых и синих ирисов, поднялся молодой мужчина.

– Привет. Просто зашли посмотреть или хотите что-то конкретное?

Для работы он был одет довольно небрежно: в клетчатую рубашку и черные джинсы. Его зубы были идеально ровными и поэтому казались не очень натуральными. Какой-то актер? Ширли-Энн не помнила, чтобы видела его по телевизору, но его выющиеся волосы и карие глаза подошли бы какому-нибудь ловеласу из «мыльной оперы».

– Вообще-то я к Джессике.

– Она пошла в магазин, – объяснил мужчина. – Скоро вернется, если вы согласны подождать.

Что-то в его манерах говорило о том, что перед ней не простой зритель галереи. Может быть, это Барнаби, ее муж? Ширли-Энн ответила, что у нее нет ничего срочного и она заглянет к ним попозже.

Мужчина бросил на нее пристальный взгляд.

– Вы случайно не Ширли-Энн Миллер?

К ее щекам прихлынула кровь.

– Как вы догадались?

– Джессика о вас говорила. Вы недавно присоединились к тому собранию, которое она посещает. Читателей, помешанных на детективах. Как же оно называется – Баскервилли?

– «Ищейки». Но я бы не назвала их «собранием», хотя... как вы меня узнали?

– Джесс сказала, что вы можете зайти.

– Но в Бате полно людей...

Ее кольнула неприятная мысль. Может быть, Джессика описала ему, как она одевается? Неужели всем так очевидно, что она покупает вещи на распродажах?

– Далеко не каждый человек в Бате заходит сюда и спрашивает Джессику. Я знаю практически всех местных клиентов. – Он вышел из-за столика и протянул ей руку. – Меня зовут Эй Джей, и не спрашивайте, что это значит, потому что мне плевать на имя, которое мне дали при рождении. – Его рука была прохладной, а рукопожатие твердым. – Я поставлю чайник, если только вы не хотите попробовать дешевый шерри, который она держит для гостей.

– Нет, спасибо, – ответила Ширли-Энн, решив, что вряд ли это ее муж: Джессика не стала бы называть его именем, на которое «ему наплевать».

– «Нет, спасибо» что? – спросил Эй Джей. – Нет, спасибо, чай, нет, спасибо, шерри или нет, спасибо, я слишком тороплюсь? О спешке можете забыть, если хотите поболтать с Джессикой. Говорят, что приятные беседы укорачивают дни и ночи, и к Джесс это относится в полной мере. Представьте себе, когда я называю ее балаболкой, она воспринимает это как комплимент!

У нее не осталось никаких сомнений, что этот человек очень близок с Джессикой. Да и она сама, будь у нее галерея, не стала бы доверять ее кому попало.

– Хорошо, – сказала Ширли-Энн. – Если она скоро вернется, я не откажусь от чая.

– Посмотрите пока картины, – предложил он, направляясь к дальней нише, где хранился чайник. – Может быть, найдете что-нибудь интересное за приемлемую цену. Кстати, на следующей неделе у нас откроется новая коллекция. Если захотите что-нибудь купить, мы устроим для вас предпоказ.

Ширли-Энн обычно не обращала внимания на советы, которые давали ей мужчины, поэтому просто выбрала самое удобное кресло с высокой спинкой и с удовольствием в нем устроилась, продолжая размышлять о том, какую роль играет этот человек в бизнесе и в жизни Джессики.

Вернувшись в зал и увидев ее в кресле, Эй Джей улыбнулся: «Будьте осторожны, обычно в это кресло сажают тех, кто подписывает чек». Он подал ей чай. В белой фарфоровой чашке плавали два чайных листа, красноречиво говоривших о том, что заварка была не из пакетика.

– Джесс сейчас примчится. Она за милю чует запах чая.

Эй Джей вел себя как ее муж, но Джессика определенно говорила, что вышла замуж за человека по имени Барнаби. Как из него мог получиться Эй Джей? Ширли-Энн попыталась прощупать почву.

– Вы похожи на художника.

– Разве? – удивился он. – Краска на джинсах? Или я оставил за ухом кисточку? Но вы правы – я рисую людей.

– Клоунов в витрине?

– О господи, нет. Это не в моем стиле. Я пишу ню, но в духе Бата – целомудренные, тонкие, с деликатными тенями. Наверху есть три моих работы. Цена от восьмисот до тысячи фунтов. Пару лет назад у меня не было отбоя от клиентов, но во время кризиса все пошло прахом, включая мои ню. – Он сверкнул белозубой улыбкой. – Шутка.

– Значит, вы совмещаете живопись с работой в галерее?

– Нет. Я здесь не работаю. Просто помогаю иногда Джесс. Бедняжка торчит в галерее с утра до вечера, и если я оказываюсь рядом, то обычно захожу сюда и даю ей возможность прогуляться. А вы, я слышал, тоже поклонница криминала?

– Криминального жанра, – уточнила Ширли-Энн.

– Джесс покупает книги пачками. Само собой, когда целыми днями просиживаешь задницу, приходится себя чем-то развлекать. У нее очень мало посетителей. Причем только один из десяти интересуется искусством. Нет, ошибочка. Один из двадцати! Большинство просто заходят спросить, где тут ближайший туалет. Или, в лучшем случае, пытаются втридорога всучить ей какую-нибудь бледную копию с гравюры «Загнанный олень», купив ее за пару фунтов на местной барахолке. Тоска зеленая. Но хуже всего, когда не приходит никто. Порой она целыми часами сидит тут в полном одиночестве. Поэтому читает Сару Парецки и Сью Графтон. Тупое развлечение, чтобы убить время.

Ширли-Энн немедленно встала на защиту своих любимых авторов:

– Тупое? Совсем наоборот. Это умные книги. В них поднимаются важные вопросы.

– Например, о феминизме, – Эй Джей почти не скрывал насмешки. – Или, лучше сказать, о постфеминизме?

– Я уверена, что вы их не читали. Они гораздо больше – и намного убедительней – говорят о современном обществе, чем большинство так называемых серьезных книг.

Он рассмеялся:

– Не волнуйтесь, я вас просто дразнил. Разумеется, я их не читал. Я художник, и меня больше интересуют графические новеллы, где рассказ ведется с помощью картинок: проще говоря, комиксы для взрослых.

– Тупое развлечение?

– О, вы мстительны. Впрочем, порой они бывают очень артистичны.

– Вам нравится дразнить людей?

– Безумно.

– Особенно женщин?

Его губы дрогнули в улыбке.

– Так-так, сейчас вы обвините меня в сексизме или еще чем-нибудь похуже. На самом деле, для того, чтобы вешать на уши лапшу, женщины подходят не меньше мужчин. Нет, меня вполне устраивают оба пола. Лопух – он и есть лопух.

– Значит, вот какой вы меня считаете?

Он усмехнулся:

– Я просто проверял.

Ширли-Энн бесило почти все, что он говорил, но ей начинала нравиться эта беседа. Конечно, она ни за что на свете не стала бы доверять подобному человеку, но острый обмен репликами действовал на нее бодряще. Она подумала, что таких мужчин надо использовать в качестве тренажеров, чтобы оттачивать на них женскую самоуверенность.

На этом их пикировка прекратилась, потому что в галерею влетела Джессика с пакетами из ближайшего супермаркета. Увидев Ширли-Энн, она вскинула руку и поправила прическу, хотя в этом не было никакой необходимости. Джессика прямо сейчас могла бы выйти на подиум в своем легком светло-голубом костюме.

– Ого, какой сюрприз! – воскликнула она.

– Просто решила заглянуть на минутку, как вы предлагали, – откликнулась Ширли-Энн. Она слишком быстро встала с кресла и пролила чай на блюдце. Нет, никогда у нее не будет таких манер, как у Джессики.

– Я безумно рада вас видеть!

Эй Джей без тени улыбки вставил:

– Мы как раз пришли к мнению, что Микки Спиллейн пишет лучше остальных.

– Ничего подобного! – запротестовала Ширли-Энн.

– Так это был Питер Чейни? «Дамам на все наплевать».

Джессика покачала головой:

– Хватит, Эй Джей. – Она повернулась к Ширли-Энн: – Он всегда несет полную чушь. Садитесь, пожалуйста.

– Он – человек нового типа, – заявил о себе Эй Джей. – Он угостил даму прекрасным чаем! Кстати, чайник еще теплый. Хочешь выпить чашечку?

– Теплый чай? Нет, это не для меня. Лучше завари свежий.

Когда они остались наедине, Джессика сочла нужным извиниться:

– Простите, что пришлось с ним общаться. Хотя в малых дозах он забавен. Я от него избавлюсь, а потом мы осмотрим галерею. Эй Джей не выносит чужих работ, кроме своих собственных.

– На самом деле мы довольно мило побеседовали. Он действительно разбирается в детективах?

– Очень поверхностно. Но достаточно, чтобы раздражать. Не советую ему ничего о себе рассказывать: он тут же обратит это против вас.

– Я так и подумала.

Эй Джей вернулся с чаем, и Джессика поблагодарила его за помощь, заметив вскользь, что видела на улице полицейского инспектора, проверявшего припаркованные машины.

– Вы это придумали? – спросила Ширли-Энн после того, как Эй Джей пулей вылетел из комнаты.

Джессика улыбнулась:

– Он любит риск. Никогда не платит за парковку. К тому же он не раз проделывал то же самое со мной, только в сто раз хуже и нелепей. Он мог сказать, к примеру, что по улице прошла цирковая процессия и один из слонов сел на мою машину. И мне приходилось ему

верить, потому что, как только я усомнюсь в правдивости его слов, наверняка окажется, что чертов слон действительно продавил мне капот.

– Он представился мне художником, – заметила Ширли-Энн, стараясь разузнать как можно больше, но при этом не задавать прямых вопросов.

– Да, поэтому мы с ним и познакомились. Его работы отлично продаются. Рисунки с натуры, довольно оригинальные. Я вам покажу.

– Женские фигуры?

Джессика пожала плечами:

– А чего вы хотели? Чтобы продать мужское ню, нужно, чтобы под ним стояла подпись Микеланджело.

– Правда?

– Подумайте сами. Хотели бы вы повесить в своей гостиной такую штуковину, даже если она отлично выглядит?

В другой ситуации Ширли-Энн, возможно, не удержалась бы от смеха. Но теперь она не была уверена, что Джессика имела в виду то, о чем она подумала, и ограничилась улыбкой. Ее взгляд обратился в дальний конец зала.

– Ваша галерея больше, чем я думала.

Джессика начала показывать ей свои владения. Ее стратегия, объяснила она, заключается в том, чтобы сосредоточиться на определенной группе художников. Отказываясь вешать на стены все подряд, она следует определенным принципам. Например, она с самого начала приняла решение не выставлять работы абстракционистов – не потому, что они ей не нравятся, а потому, что ее клиенты хотят иметь какую-то опору для сопереживания художнику. В то же время в отобранных ею полотнах не было рабского подражания натуре. Исходный объект словно ставился под увеличительное стекло с помощью нестандартной композиции и смелых красок. Авторы заявляли о себе убедительно и ярко. Возможно, вкусам местных жителей и не хватало остроты, но Джессика не собиралась с ними спорить.

В числе прочих на стенах висели огромные полотна, стоимость которых выражалась в четырехзначных цифрах. Ширли-Энн с усмешкой подумала, как удивился бы Берт, увидев ее в таком месте. Он твердо знал, что она покупает картины только на мелких распродажах, и был абсолютно прав. Репродукции с танцовщицами и слонами, украшавшие их квартиру на Рассел-стрит, стоили не больше фунта. Надо же было чем-то завесить голые стены, и притом быстро. Когда они переехали, в комнатах не было ничего, кроме коллекции постеров Джеймса Бонда, которую Берт собрал, когда еще был студентом колледжа. Он был помешан на Бонде.

Белая спиральная лестница вела наверх, где висело еще несколько картин, включая ню Эй Джея. Они оказались не такими грубыми и безвкусными, как она думала. Фигуры были очерчены тонко и искусно, а источник света находился сзади, погружая большую часть тела в тень и сосредотачивая внимание зрителя на освещенных формах.

– Он действительно хорош, – заметила Джессика. – Приходится признать – дьявольски хорош.

– А кто его модели? – спросила Ширли-Энн и добавила: – Вы ему позировали? – Бестактный вопрос, за которой ей захотелось вlepить себе пощечину.

Джессика сделала большие глаза, но нисколько не смутилась и спокойно ответила:

– Нет. С какой стати? Я думаю, это профессиональные модели.

Они перешли к пейзажу с сельской церковью, которую Ширли-Энн, к своей радости, тут же узнала.

– О, это же деревня Лимпли-Стоук! Верно?

В самом деле, это была она.

Внизу они заварили себе свежий чай. С улицы под дверь просунули вечернюю газету, на главной странице которой красовалась новость о похищенной марке стоимостью в миллион фунтов.

– Я не одобряю кражи, но трудно не восхищаться человеком, которому хватило смелости среди бела дня приставить к окну лестницу, забраться наверх и умыкнуть сокровище, – заявила Джессика, быстро проглядев статью. – Очевидно, так все и случилось. Конечно, полиция будет искать свидетелей, но, похоже, прохожие приняли его за мойщика окон. Эти парни со скребками каждое утро надраивают витрины. У меня, кстати, тоже. Совершенно необходимая вещь. Вы не поверите, в каком они порой бывают состоянии.

– Мойщики?

Джессика улыбнулась:

– Витрины, милая.

– Я видела сегодня утром, как полиция разглядывала окна в Музее почты, – сообщила Ширли-Энн. – Мы как раз сидели во французском кафе с Полли Уайчирли. – Она в очередной раз пожалела, что вовремя не прикусила язык.

Джессика немедленно ухватила за эту фразу.

– Вы встречались с Полли?

– Да. Просто попили вместе кофе.

– Значит, вы уже были знакомы раньше?

– Нет, – Ширли-Энн хотелось сказать, что они встретились случайно, но она не умела врать. – Она позвонила мне утром, когда я была в душе. Ранняя пташка. Я думаю, как глава клуба она хотела просто убедиться, что все прошло нормально и я приду на следующее заседание.

– Возможно, – обронила Джессика.

– Мы даже не представляли, что у нас на глазах разворачивается настоящий детектив.

Но настоящие детективы вдруг перестали интересовать Джессику.

– Она не давала вам никаких советов как новому члену клуба?

– О, это была всего лишь дружеская встреча, – уклонилась от ответа Ширли-Энн.

– Полли мастер давать советы, – заметила Джессика, и в ее голосе прозвучали неодобрительные нотки.

– Ко мне у вас вообще отнеслись очень дружелюбно. Я практически чувствую себя своей. И, конечно, обязательно приду еще раз.

– Прекрасно, это поможет разрядить атмосферу, – чуть более тепло отозвалась Джессика. – Наша группа раскололась пополам, на любителей классики и поклонников нуара. Сколько разных вещей можно было бы обсудить, но мы почти никогда этого не делаем.

– Не считая Убмерта Эко.

Джессика улыбнулась:

– Не считая Эко. «Ищейки» – очень милые люди, но каждый упрямо держится за свое, а все потому, что они не пытаются расширить свой кругозор. Я уверена, что, если бы Руперт попробовал взяться за Питера Дикинсона, с его буйным воображением и великолепно продуманной фабулой...

– Совершенно верно!

– ... где полно драматичных сцен и персонажей, что не мешает им встраиваться в цепочку классического расследования с уликами и свидетелями, – это сразу выбило бы его из привычной колеи. А еще я очень хотела бы, чтобы Майло почитал американские триллеры. Я даже знаю, с чего начать. С серии о Флетче.

– Грегори Макдональд.

– Да. Он оценит его юмор и логичные сюжеты, потом перейдет к Уэстлейку, Макбейну, Блоку и, наконец, Элброу.

– Можно попробовать женских авторов, – вставила Ширли-Энн.

– Верно, – рассмеялась Джессика. – Но только в теории. Вы не знаете Майло.

Ширли-Энн приподняла брови, и Джессика кивнула.

За этим наверняка последовала бы еще одна порция сплетен, но Ширли-Энн не хотелось выглядеть слишком любопытной. Она снова перевела разговор на живопись и удостоилась приглашения на закрытый просмотр, который должен был состояться в следующую среду.

– Там не будет ничего особенного, – предупредила Джессика. – Просто переставляем стулья на «Титанике», как говорит Эй Джей. Будут те же самые люди, что и всегда, но есть надежда привлечь новых дилеров, а я зарабатываю достаточно, чтобы потратиться на шампанское и пару бутербродов. Приходите. Познакомитесь с новыми людьми и все такое. И, ради бога, не думайте, что обязаны что-то покупать.

Вторая загадка. Запертая комната

Глава 10

Когда Джон Уигфул вернулся с пресс-конференции, Даймонд сидел в кабинете и читал стихи – если можно было так назвать четыре строчки, которые сбили с толку всю местную полицию, включая самого Питера.

– Ну как, Джон, пришлось несладко? – спросил он с дружеской усмешкой.

– Я и не ждал легкой прогулки.

– Надеюсь, ты воспользовался моим советом?

– Каким еще советом? – пробурчал Уигфул недовольным тоном занятого человека. – Послушай, Питер, без обид, но мне некогда болтать. У меня срочные дела.

– Например, крепкий кофе? После всех этих вопросов, наверно, здорово першит в горле.

С горлом Уигфула, очевидно, было все в порядке, поскольку оно без труда озвучило его растущее нетерпение:

– Я занимаюсь важным делом. Похищена самая ценная марка в мире. Это куда серьезней, чем твоя стрельба в Солтфорде.

– Только не с точки зрения закона и того парня, которого пристрелили. Тебе нужно подкрепление, верно?

– Если понадобится, я использую каждого сотрудника во всей полиции графства.

Вид Уигфула не оставлял никаких сомнений в его решимости. Он играл желваками, как Черчилль, говоривший про «кровь, тяжелый труд, слёзы и пот».

– Что ты намерен делать?

– Для начала отправлю это дурацкое послание на экспертизу.

– Зачем? Хочешь найти на нем следы копирования? – Прежде чем Уигфул успел ответить, Даймонд добавил: – Если ты надеешься извлечь какую-то информацию из бумажных экземпляров, разосланных в редакции газеты, у тебя ничего не выйдет. Я прихватил с собой одну копию. – Он протянул Уигфулу листок с посланием, но тот даже не взглянул в его сторону. – Раньше можно было взглянуть на любой машинописный текст и по мелким различиям в форме букв определить, на какой машинке он напечатан. «Взгляните, Ватсон, на этот искривленный уголок в букве W! Он ясно доказывает, что записку напечатали на старой «Смит-Короне» профессора Мориарти». Увы, прошли те времена. Сегодня Мориарти набирает текст на компьютере и распечатывает на лазерном принтере, который выдает миллионы идеальных и абсолютно не отличимых друг от друга копий. А потом размножает свою записку на ксероксе. Парни из экспертизы тебе не помогут, Джон.

Это была одна из любимых тем Даймонда, в которой он упражнялся при каждом удобном случае.

Уигфул не смутился:

– Чепуха. С помощью лазерной подсветки мы можем найти любые отпечатки пальцев.

– Кроме отпечатков самого преступника.

– Посмотрим.

– Джон, этот парень не дурак. Он никогда не оставит отпечатков. Ты проверил орфографию?

– Орфографию?

– Я про текст в записке.

– Дайка-ка взглянуть. – Уигфул взял у Даймонда листок бумаги и пробежал его глазами. – По-моему, все правильно.

– Вот именно, – кивнул Даймонд. – Я уже сказал – он не дурак. Мы оба знаем, что он не делает ошибок.

Слово «мы» заставило Уигфула встрепнуться. Он воинственно вскинул голову.

– Слушай, Питер, давай начистоту. Это мое дело. То, что я воспользовался твоим советом насчет пресс-конференции, еще не значит, что ты можешь вторгаться на мою территорию.

– Вторгаться? – вежливо повторил Даймонд. – Мне бы и в голову не пришло. Я ведь по уши занят банковскими клерками.

На самом деле последняя неделя у Даймонда не задалась. Банковские клерки навели на него уныние. Каждый рассказывал свою историю о том, каким грубым, злым и вредным сукиным сыном был их бывший менеджер. Возможно, не будь у него признания Рутледжа, Даймонд не отказался бы послушать этот жалобный хор: его вполне хватило бы, чтобы набрать дюжину-другую подозреваемых, не говоря уже о рассерженных клиентах. Но, к несчастью, картина была совершенно ясной: управляющего убил Рутледж. Экспертиза подтвердила его показания. В пятницу Даймонд уже умирал от скуки и попросил Джули Харгривз закончить дело без него. Сам он весь день проторчал в офисе, пытаясь разгрести гору бумаг, наваленных на его рабочем столе.

Позже в то же утро ему позвонили из Дорчестера. Джон Кроксли – нахальный молодой инспектор с непомерным самомнением – когда-то работал с ним в «убойном отделе». Его неприкрытые амбиции действовали всем на нервы. Когда его перевели в уголовное управление Дорсета – это произошло уже без Даймонда, – в Эйвоне и Сомерсете вздохнули с облегчением.

– Вот, решил вам позвонить, мистер Даймонд, – деланно небрежно произнес мужской голос. – Слышал, что вы вернулись. Надеюсь, вы не очень заняты?

– Сбиваюсь с ног. Но можешь продолжать.

– Ведь это вы ведете дело о «Черном пенни»?

– Сейчас – нет. Я беседую с тобой, верно? Слушай, давай покороче. Как там дела в Дорсете? Уверен, после твоего появления статистика преступлений резко пошла вниз.

– Если честно, я ожидал немного другого, – признался Кроксли. – Не думал, что здесь все так провинциально.

– Провинциально?

– Ну да. По-деревенски.

– В смысле – трахают овец?

В трубке повисла пауза.

– Об этом мне ничего не известно. Я больше не работаю с убийствами – у меня другое поле деятельности.

Даймонд не удержался от смешка:

– И что растет на этом поле – турнепс?

– Скорее рогатый скот, – ответил Кроксли без тени улыбки. У него всегда было плохо с чувством юмора. – Я занимаюсь отпечатками носов.

– Чем?

– Отпечатками носов. Мало кто знает, что носы у жвачных так же уникальны, как узор на пальцах. Надо просто помазать нос специальной краской и приложить к нему бумагу.

– Ты меня разыгрываешь, Джон?

– Нет, мистер Даймонд. Так в Ассоциации землевладельцев Дорсета борются с кражей скота. Мы уже взяли отпечатки у семисот коров.

Даймонда начало трясти от смеха:

– Так-так. Значит, ты снимаешь отпечатки носов у коров? Продолжай, Джон.

– Собственно, в этом вся проблема. Меня недавно перебросили в этот отдел. Не знаю, по какой причине. Я вообще-то не деревенский. И потом, мне кажется, это не очень перспективно.

– Ну почему. – По щекам Даймонда потекли слезы. – По-моему, у тебя выгодное положение.

– Вы думаете?

– Ты же занимаешься носами, значит, можно сказать, находишься впереди?

– Наверно.

– Представь, если бы тебе пришлось брать отпечатки с другой стороны.

– Мне это не приходило в голову, мистер Даймонд.

– Вспоминай об этом, когда станет совсем плохо, Джон. В стране появились новые технологии, и именно тебе доверили внедрение одной из них. Перенеси отпечатки носов на компьютер. Создай – как это называется? – базу данных по всем коровам в Дорсете. Ты говоришь – нет перспектив? Да у тебя огромные перспективы. Ты можешь заниматься этим всю жизнь.

– Как раз этого я и боюсь, – уныло ответил Кроксли. – Я вот тут подумал: сейчас столько шумихи вокруг «Черного пенни», может, вам нужны новые люди для следствия?

– Неужели ты хочешь бросить свою прекрасную новую работу?

– Да, если есть хоть малейший шанс.

– Боюсь, шансов нет. Ты знаешь, как урезают наш бюджет. На твоём месте я бы лучше держался за коров. Кто знает, может, ты станешь главным в мире экспертом по коровьим носам.

Повесив трубку, Даймонд откинулся на стул и разразился оглушительным хохотом – в первый раз за последнюю неделю. Ему не терпелось рассказать обо всем Стеф. Но до конца дня произошло еще одно событие, которое стерло этот эпизод из его памяти.

После четырехчасовых новостей на радиоканале «Би-би-си Бристоль» ведущий неожиданно добавил: «Так, есть срочное сообщение. Мне только что положили на стол записку, которая, как считает мой продюсер, может быть связана с тем загадочным стишком, что мы читали вам в прошлый понедельник. Помните? Полиция потом сказала, что речь почти наверняка шла о марке за миллион фунтов, которую украли в почтовом музее в Бате. «Черный пенни», верно? Похоже, у нас еще одно послание от таинственного взломщика. Оно напечатано на листе формата А4, без всяких пояснений. Наверно, пришло с дневной почтой. Ладно, посмотрим, что это такое. Еще один трюк или настоящий ключ к разгадке? Само собой, мы сразу же передадим его в полицию, но именно слушатели «Радио Бристоль» узнают о нем первыми! Приготовили ручку и бумагу?

Виктория, важная старая дама, где ты?

Доколе тебе скитаться?

В запертой комнате можно найти

леди (подсказка – семнадцать).

Это все. Пожалуй, теперь мы знаем, кто такая или что такое «Виктория», но как насчет запертой комнаты? И при чем тут число семнадцать? Ждем ваших звонков. Если до конца программы вас осенит какая-нибудь блестящая мысль, мы с радостью ее озвучим. Я повторю сообщение еще раз».

Перед тем, как давать новость в эфир, продюсер предусмотрительно позвонил в полицию, поэтому к началу передачи перед радиоприемником собрался весь участок, включая Даймонда, который сразу почувствовал, что происходит что-то важное, и вылез из-за стола. Для полного счета не хватало только Джона Уигфула, который прильнул к собственному приемнику наверху.

– Это больше напоминает игру в кошки-мышки, – мрачно заявил детектив-сержант.

– Думаете, в записке вранье? – спросил кто-то.

– Откуда мне знать? Но после того, что случилось с первой, к ней придется отнестись серьезно.

– Зачем они вообще это делают? Мистер Уигфул ждал, что они потребуют выкупа, а не зададут еще одну загадку.

– Может, им не нужен выкуп. Может, это просто какой-то скандальный трюк, чтобы привлечь к себе внимание. Когда у нас университетская Неделя благотворительности?

– Еще не скоро. Студенты только вернулись после каникул. Если это трюк, то бьюсь об заклад, что в нем замешан какой-нибудь умник из «глиттерати».

– Это еще кто?

– Богатые тусовщики. Элита. Бомонд. Прожигатели жизни. Они обожают выставять полицейских посмешищем.

Примерно в том же духе обсуждение продолжалось на совещании высшего руководства, которое возглавил помощник начальника полиции.

– Поскольку мы имеем дело с серьезным преступлением, – начал он, – я предлагаю объединить наши усилия. Если новая записка – продолжение предыдущей, возможно, она касается Бата, и тут нам пригодятся любые знания, любой опыт, так или иначе проясняющие ситуацию.

Судя по наступившему молчанию, никто из присутствующих не обладал подобным опытом.

– Джон, это ваше расследование. – ПНП жестом пригласил его выступить. – Расскажите, что вы думаете по этому поводу.

Уигфул откашлялся.

– Что ж, сэр, мне кажется, мы с полным правом можем предположить, что под Викторией подразумевается кавер.

– Подразумевается что?

– Украденная марка, сэр.

– Почему бы не называть марку просто маркой?

– Потому что она приклеена к конверту. На ней проставлена дата. Все вместе называется кавер. Это вроде тех «конвертов первого дня», которые продают на почте, когда выходит новая серия почтовых марок.

– Хорошо, теперь ясно, что это за каверы, – кивнул ПНП с таким видом, словно знал обо всем с самого начала. – Продолжайте.

Уигфул вернулся к записке:

– Первые две строчки:

Виктория, важная старая дама, где ты?

Доколе тебе скитаться? –

скорей всего, просто означают, что кавер у него. Поэтому нам надо сфокусировать внимание на третьей и четвертой строчках:

В запертой комнате можно найти
леди (подсказка – семнадцать).

Тут возникает сразу три вопроса: какая леди? Что за запертая комната? И почему «семнадцать»? Под леди, возможно, подразумевается все та же Виктория – то есть кавер, – но мы не можем исключать и другие варианты. Имеет ли эта дама какое-то отношение к последней строчке, то есть числу семнадцать? Знаем ли мы какую-нибудь семнадцатилетнюю леди, которая – сейчас или в прошлом – как-то связана с этим делом?

Снова молчание.

– Нам может помочь запертая комната, – продолжал Уигфул. – Возможно, существует какая-то старая история или легенда о некой молодой женщине, жившей взаперти. Тюрьма. Психиатрическая лечебница. Монастырь. Масса вариантов.

– Есть идеи? – спросил ПНП, оглядев всех сидевших за столом.

Том Рэй буркнул:

– Я бы посмотрел в другую сторону, сэр. Может быть, семнадцать – это часть адреса?

– Неплохо, – одобрил ПНП снисходительным тоном, словно не рассчитывал услышать что-то дельное от кого-нибудь, кроме Уигфула.

– Айзек Питман, изобретатель стенографии, жил в доме номер семнадцать по Роял-Кресент. Там на стене висит табличка.

– А он-то тут при чем? – спросил Питер Даймонд. – Или у него была юная сексуальная рабыня?

– Очень в этом сомневаюсь, – холодно возразил ПНП. – Я читал о Питмане. Это был человек высоких принципов. Как и я, трезвенник, вегетарианец и противник табака.

Повисла неловкая пауза. Даже Даймонд не решился продолжать тему сексуальной жизни Питмана – или ПНП.

– Это всего лишь предположение, – пробормотал Рэй.

Еще одна версия поступила от Кайта Халлиуэлла:

– Возможно, число семнадцать относится ко времени. Например, семнадцать часов, то есть пять вечера.

– Если так, мы опоздали на десять минут, – заметил Даймонд, взглянув на часы. – Лично я сомневаюсь, что этот шутник даст нам много времени на раздумье. Ему это ни к чему, верно? Это как в той книжке, «Тридцать девять ступеней». Бесполезно искать заветные ступени. Не поймешь, что нашел их, пока не окажешься на нужной лестнице. Я хочу сказать: мы можем весь вечер гадать про «семнадцать то» и «семнадцать се». Семнадцать лошадиных сил, семнадцать деревьев на улице, семнадцать дней в месяце, пятнадцать игроков в регби плюс два запасных. Пока мы не знаем, где искать, все это гадание на кофейной гуще.

– То есть, вы предлагаете...

– Игнорировать этот стишок. Сосредоточиться на других зацепках.

– Каких зацепках? – пробурчал Рэй.

Уигфул вставил:

– Мы работаем не покладая рук.

– А где результаты?

– Нельзя торопить следствие.

– Ну почему же, – пожал плечами Рэй. – Питер Даймонд получил признание в убийстве всего через пару минут после того, как приехал на место.

ПНП тяжело вздохнул.

– Джентльмены, давайте сосредоточимся на марке. Думаю, мы не можем просто игнорировать это сообщение. Возможно, Питер прав и преступник морочит нам голову, но, если мы сумеем извлечь из этой записки что-то полезное, у нас появится шанс связать ее с другими уликами.

– А кто-нибудь видел этого парня в понедельник утром? – спросил Даймонд. – Или лестницу у окна?

– К сожалению, нет, – ответил Уигфул. – Но недалеко от места преступления шесть или семь человек заметили мойщиков окон, которые показались им подозрительными.

– Вы когда-нибудь видели мойщика окон, который *не* казался бы подозрительным? Как насчет криминалистов? Они что-нибудь раскопали?

– Вор работал в перчатках. В комнате найдено много всяких волосков и волокон, но поскольку в музее каждый день бывает полно людей, они могут принадлежать кому угодно. Шкафчик с маркой взломали ржавым гвоздодером.

– А сотрудники музея?

– Это энтузиасты, волонтеры. Местные филателисты. Они работают в музее по очереди, по два человека и больше. Мы допросили всех, кроме двух, которых нет в городе. Никто не запомнил ничего необычного перед кражей, хотя, как кто-то резонно заметил, очень трудно судить задним числом.

Даймонд не стал задавать других вопросов, предоставив заседанию идти своим путем. Это была территория «Шмеля», и он не собирался на нее вторгаться. В начале седьмого все закончилось.

– Приятного уик-энда, джентльмены, – сказал он, выходя из комнаты.

– Завтра не придешь? – спросил Рэй.

– Нет смысла. Мое дело почти закончено.

– Чем будешь заниматься?

– Приучать к лотку кота, если только жена не шутит.

Глава 11

В следующий понедельник, собираясь на вечернее собрание «Ищейек» в церковь Св. Михаила, Ширли-Энн постаралась подготовиться получше. Перед этим она основательно покопалась на полках местных букинистов и раздобыла редкий и сильно потрепанный сборник рассказов Стэнли Эллина, выпущенный издательством «Пингвин». Поскольку на прошлой неделе она пропустила свою очередь, теперь ее наверняка попросят порекомендовать какую-нибудь книгу, и рассказы Эллина казались ей самым подходящим выбором. Она обожала этого американского писателя, особенно его короткие произведения. А если кто-нибудь станет возражать, что рассказы не стоит принимать всерьез, она напомним об Эдгаре По, Конан Дойле и Честертоне, чьи новеллы, как известно, положили начало всей детективной литературе.

День сложился удачно, поскольку по пути с работы она купила почти новый фиолетовый джемпер всего за один фунт. Именно его она надела сегодня с черной вельветовой юбкой от «Уор-он-Уонт»¹.

Вечер выдался холодным, но сухим. Как только она спустилась в крипту, на нее повеяло теплым воздухом хорошо протопленного помещения. Мисс Чилмарк – судя по всему, взявшая за правило приходить раньше всех, – заявила, что в комнате жарко как в печке и она хочет поговорить с домовладельцем. Дама с решительным видом прошествовала мимо Ширли-Энн, но, как оказалось, только для того, чтобы удалиться в гардероб. Жалобы на сильную жару никогда не находили сочувствия у Ширли-Энн. При ее худенькой фигуре – «субтильной», как мило говорил Берт, – ей вечно не хватало тепла.

Джессика тоже была на месте, одетая в строгое стильное платье в черно-серой гамме. Ее плечи с небрежной элегантностью обвивал винного цвета шарф, скрепленный крупной серебряной застежкой.

– Я рада, что вы пришли, – заметила она с дружеской улыбкой. – С вами будет гораздо веселей.

Полли Уайчирли помахала ей пухлой ручкой с другого конца комнаты. Она уже заняла свое место в центре круга и что-то бодро вытаскивала из сумки, стараясь загладить свое опоздание в прошлый понедельник.

– Кто отсутствует?

– Только Майло, – ответила Джессика.

– Руперт, – послышался чей-то голос. Стоявший в стороне Сид практически сливался с каменной стеной, словно хамелеон. У него была удивительная способность растворяться в окружающей среде. – Руперт всегда опаздывает. – Это была первая полная фраза от Сиды, и к тому же произнесенная по его собственной инициативе. Очевидно, в отсутствии других мужчин он чувствовал себя более комфортно.

Дверь в дамскую комнату отворилась, и оттуда появилась мисс Чилмарк, окутанная облаком мускусных духов. Она больше не жаловалась на чрезмерную жару.

– Я намерена дать бой этому псу, – заявила она.

– Бои без правил? – пробормотала Джессика.

Мисс Чилмарк ее не услышала.

– Если он снова начнет безобразничать, я попрошу Руперта вывести собаку и надеюсь, что вы все меня поддержите.

Джессика покачала головой, показывая, что на нее можно не рассчитывать.

– Бедный пес просто отряхнулся. Он был совсем мокрый. Это совсем не то, что гадить на ковер.

¹ Благотворительная организация, устраивающая распродажи в пользу бедных.

– Попрошу без грубостей. Он меня всю обрызгал. Нам даже пришлось прервать собрание. Помните?

– Сегодня нет дождя, мисс Чилмарк.

– Это еще ничего не гарантирует.

Полли, словно пропустив мимо ушей всю эту пикировку насчет собаки Руперта, спокойно вставила:

– Майло обычно не опаздывает.

– Практически никогда, – подхватила мисс Чилмарк, не заметив, что ее отвлекли от темы. – Я и Майло придаем большое значение пунктуальности. Мы всегда приходим раньше всех.

– Возможно, он заболел, – предположила Полли, копаясь в своей сумочке. – В прошлый раз, когда Майло заболел и не мог прийти, он позвонил мне накануне вечером. У меня где-то есть его телефон. Я могу с ним связаться.

– Хорошая идея, – кивнула мисс Чилмарк. – А я пока начну собрание. Надо заняться делом, прежде чем придет эта псина и все испортит.

– Господи, о чем вы говорите, – вмешалась Джессика. – Не надо никому звонить. Сейчас только пять минут восьмого.

После того, как все заняли свои места, дискуссия продолжилась. В конце концов было решено, что Майло взрослый человек и не нуждается в том, чтобы за ним присматривали. Джессика бросила на Ширли-Энн благодарный взгляд, говоривший, что разум на этот раз восторжествовал, и буквально через минуту в комнате, рассыпаясь в извинениях, появился Майло. На Браснокер-хилл сломался грузовик, и он попал в пробку.

– Ну что, начнем? – спросила мисс Чилмарк, всем своим видом демонстрируя, что может прекрасно вести собрание.

– Пожалуй, – ответила Полли.

– Я сразу хочу сделать заявление, – продолжила мисс Чилмарк. – Не знаю, следит ли кто-нибудь из вас за делом о почтовой марке?

– О «Черном пенни»? – спросила Ширли-Энн. – Это произошло буквально на соседней улице. Увлекательно, правда?

– Я бы не стала употреблять это слово, – заметила мисс Чилмарк, – поскольку оно выставляет наш город не в самом лучшем свете, но, по сути дела, вы абсолютно правы. Почему бы нам для разнообразия не обсудить настоящее преступление?

– Мы читатели, а не детективы, – возразила Полли, заподозрив ее в попытке переворота. – Мы обсуждаем книги, а не преступления.

– По-моему, мы только и делаем, что обсуждаем преступления, – заявила мисс Чилмарк. – Руперт вечно клеймит нас за незнание того, что творится на улицах. И теперь, когда в двух шагах от нас произошла реальная кража, мы могли бы выяснить, на что годятся наш интеллект и наш читательский опыт.

Джессика саркастически вставила:

– Хотите вызвать дух Вильгельма Баскервильского?

– Кто это? – рассеянно спросила Полли.

– Детектив из «Имени розы».

– Ах, да. – Полли недовольно покачала головой, сердясь на свою забывчивость.

Ширли-Энн хотела сказать, что выяснила дату публикации «Имени розы» – после того, как мисс Чилмарк резко осадил ее на прошлом заседании, – и оказалось, что это было в 1981 году, то есть на четыре года позже, чем появилась первая серия о брате Кадфаэле. Но сейчас было неподходящее время сводить счеты. Лучше она прибережет это на потом.

– А по-моему, прекрасная идея. – Майло бросился на помощь мисс Чилмарк. Это был странный союз: пожилой гей и старая дева. Пара, не имевшая ничего общего, если не считать

того, что оба приходили на собрания раньше всех. – Интересно, сможем ли мы пролить какой-то свет на кражу марки? Как вы считаете? – обратился он к остальным.

Никто не стал возражать, даже Полли, и Ширли-Энн взволнованно заговорила:

– Это был очень умный ход: переодеться мойщиком окон и забраться внутрь по приставной лестнице, как пишут в газетах.

Джессика возразила:

– И очень банальный. Меня больше волнует, зачем он это сделал.

– Или она, – вставила Ширли-Энн, не собираясь уступать.

– Или она. Это самая ценная марка в мире. Ее нельзя продать.

– Люди все время крадут знаменитые картины, – заметила мисс Чилмарк. – Наверно, на это есть какая-то причина.

– Я слышала теорию, что подобные кражи совершают коллекционеры-фанатики. Не для того, чтобы продать, а чтобы пополнить экспонат в свою коллекцию.

– Разве такие люди существуют? – спросила Ширли-Энн. – Я имею в виду, в реальной жизни.

– Конечно существуют. Каждый год из музеев пропадают десятки картин. Собиратели марок чаще всего люди одинокие. Легко представить какого-нибудь филателиста-отшельника с мозгами набекрень, склонившегося в тиши кабинета над драгоценной маркой.

– Или отшельницу, – подал реплику Сид, вызвав легкую оторопь, а потом улыбки.

– Вообще-то женщины редко занимаются коллекционированием, – отозвалась Джессика. – Это чисто мужская привычка.

– А как же туфли? – не согласилась Ширли-Энн.

– И шляпки, – поддержала Полли. – У меня целый шкафчик битком набит шляпками.

– Вряд ли марку украл коллекционер. Скорей всего, преступник потребует выкуп, – предположила Ширли-Энн. – Я бы так и сделала. У владельцев редкостей всегда полно денег. Я бы попросила пятьдесят тысяч.

– Но как бы вы их забрали? – спросил Майло, задумчиво поглаживая бороду, словно его всерьез увлекла эта идея. – Это всегда проблема.

– О, я не стала бы брать наличными, а попросила бы владельца перевести всю сумму на секретный счет в швейцарском банке.

– У вас есть счет в швейцарском банке? – без улыбки спросила Полли.

– Нет, но я уверена, что при депозите в пятьдесят тысяч любой банк примет меня с распростертыми объятиями. В крайнем случае, я смогла бы слетать в Цюрих и заполнить нужные анкеты.

– Сомневаюсь, что все так просто, – возразила Джессика.

– А вы можете придумать что-нибудь получше?

Мисс Чилмарк вмешалась в разговор:

– Уважаемая председательница, так мы ни к чему не придем. Предлагая эту тему, я имела в виду скорее решение загадок – если мы можем их так назвать, – которые предполагаемый преступник отправил на радиоканалы и в газеты. Может быть, поговорим об этом?

– Почему бы и нет, – кивнула Полли. – Вы помните текст?

– Я их захватила. – Мисс Чилмарк открыла сумочку из крокодиловой кожи и вынула две газетные вырезки.

– Первую обсуждать бессмысленно, – вставила Джессика. – С ней уже все ясно. Как там было... Джей-Эм-У-Ти...

– «Я окружен секьюрити. Виктория перечит мне, Но скоро я приду к тебе», – закончила мисс Чилмарк.

– Полиция все объяснила, – продолжила Джессика. – Им сообщили, что кто-то собирается украсть Тернера в галерее Виктории, и они удвоили охрану. Но это был отвлекающий

маневр, а настоящей целью оказалась марка. Давайте разберем второй стишок. Он гораздо интересней. Можете прочесть?

Мисс Чилмарк произнесла вслух:

Виктория, важная старая дама, где ты?
Доколе тебе скитаться?
В запертой комнате можно найти
леди (подсказка – семнадцать).

– Вторую загадку составил тот же, кто и первую? – спросил Майло. – Это первое, с чем нужно разобраться.

– Они чем-то похожи, – заметила Ширли-Энн.

– В обоих текстах есть явное стилистическое сходство, – подтвердила мисс Чилмарк менторским тоном. – И то и другое – маленькие четверостишия с укороченными строчками.

– Да бросьте. Так может писать кто угодно, – покачала головой Джессика. – Стишки из букваря.

– И тем не менее, – стояла на своем мисс Чилмарк.

– Ну, может, вы и правы, – нехотя признала Джессика.

Мисс Чилмарк не терпелось показать, что она хорошо сделала свою домашнюю работу.

– Кроме того, здесь есть определенные аллюзии на другие тексты. «Важная старая дама» – намек на прозвище, данное премьер-министру Гладстону, «Важный старый дед», или сокращенно В.С.Д. Это известная аббревиатура.

– Герцога Йоркского тоже называли «Важный старый дед», – серьезно возразила Полли. Очевидно, сегодня она была не в духе для шутливых замечаний.

Но мисс Чилмарк проигнорировала ее слова.

– Запертая дама, которую следует найти, напоминает о карточном фокусе с тем же названием. Наконец, само выражение «запертая комната» часто используется для описания типичной ситуации, характерной для классического детектива, о чем Майло говорил нам на прошлой неделе. Как видите, все это четверостишие полно намеков.

– И на что, по-вашему, оно намекает? – спросила Ширли-Энн.

Ответа на этот вопрос они так и не узнали, поскольку в тот самый момент дверь отворилась и в комнату ворвался Марлоу. Пес тут же бросился в круг «Ищейек», подскочил к мисс Чилмарк и в порыве собачьей симпатии поставил лапы ей на грудь. Она откинулась так резко, что опрокинула стул. Руперт, появившийся на пороге следом за собакой, кинулся на помощь. Он подлетел к стулу и подхватил его раньше, чем тот успел рухнуть на пол. Катастрофу удалось предотвратить. Ничего страшного не произошло, если не считать того, что мисс Чилмарк продемонстрировала свои ноги намного выше, чем хотелось бы ей или ее соседям. На ней оказались толстые гетры. Словно извиняясь за устроенный переполох, Марлоу опустил на пол и лизнул ее в левое колено.

Это было уже слишком. Пес и так всю неделю не выходил из головы мисс Чилмарк, и теперь ее просто взорвало.

– Уберите его от меня! – заорала она срывающимся голосом. – Он меня укусит!

Видимо, Руперт не обучил Марлоу голосовым командам, потому что в ответ просто схватил его за ошейник и оттащил в другой конец комнаты. Пес недовольно рычал.

– Вы его расстроили. Он просто хотел проявить симпатию, – обратился Руперт к мисс Чилмарк.

Джессика неожиданно спросила:

– У кого-нибудь есть бумажный пакет?

– Зачем? – откликнулась Полли.

– У нее гипервентиляция.

– О господи!

Мисс Чилмарк быстро и судорожно хватала воздух ртом, постепенно наливаясь кровью. В ее глазах появился нездоровый блеск.

Сид сунул руку под стул и достал оттуда полиэтиленовый мешок. Покопавшись в нем, вытащил пакет из коричневой бумаги, в который был завернут потертый томик Джона Дикинсона Карра. Вынув книгу, он протянул пустой пакет Джессике, и та надела его на рот и нос мисс Чилмарк.

– Она задохнется, – встревожилась Полли.

– Нет, – спокойно ответила Джессика. – Это заставит ее дышать тем воздухом, который она выдыхает. Кислотно-щелочной баланс в ее крови восстановится, и ей станет легче. Руперт, уберите с глаз долой собаку, вы же знаете, что она ее бесит.

Руперт с необычной покладистостью повиновался ее приказу и повел Марлоу к выходу. Ни он, ни собака не издали ни звука.

Все зачарованно смотрели, как пакет раздувался и опадал на лице мисс Чилмарк, придавая ей сходство с гигантской тропической лягушкой. Вскоре ее дыхание замедлилось, и Джессика сказала ей несколько успокаивающих слов, заверив, что собаки в комнате больше нет. Пакет убрали и вернули Сиду. Полли предложила отвезти мисс Чилмарк домой. Та ответила слабым голосом:

– Если вы уверены, что собака больше не вернется, я бы предпочла остаться. У меня немного кружится голова.

Было решено, что мисс Чилмарк не помешает чашка кофе, и в заседании устроили перерыв.

Ширли-Энн восхитилась тем, как ловко Джессика справилась с гипервентиляцией.

– Пустяки. Моя тетка была зациклена на этой теме. Всегда таскала с собой бумажные пакеты.

– Думаете, мисс Чилмарк правильно сделала, что осталась?

Джессика улыбнулась:

– Теперь ее ни за что не выгонишь. Она выиграла битву, понимаете? Собака с позором изгнана. Мисс Чилмарк наслаждается триумфом.

Ширли-Энн показалось, что это замечание немного бессердечно, но она не могла отказать ему в проникательности.

Руперт вернулся с мрачным видом.

– Я оставил Марлоу с одним парнем в «Голове сарацина», – объявил он во всеуслышание и холодно добавил: – Он где угодно приживется, если дать ему шанс.

Заседание возобновилось. Ширли-Энн предложила рассказать о новеллах Стенли Эллина, и все тепло приняли эту идею. Оказалось, что группа была лучше знакома с творчеством этого автора, чем она думала. Руперт и Джессика читали его знаменитое «Фирменное блюдо», а Полли, которую нельзя было недооценивать, сообщила, что на ее полках есть «Восьмой круг» и «Цитадель». К счастью, никто не читал «Метод Блессингтона».

– Что такое метод Блессингтона? – спросила Джессика.

– Это связано с сюжетом рассказа. Лучше я не буду говорить.

– Он длинный? Может, вы нам почтаете? Времени волне достаточно. Мы часто читаем вслух, но обычно только короткие отрывки.

К счастью, Ширли-Энн нравилось читать вслух. В школе она два года подряд получала премию мисс Крэнвелл за чтение библейских текстов. Спустя некоторое время все «Ищейки» уже знали про ужасный метод Блессингтона, который практиковался в Обществе геронтологии.

– Вы прекрасно читаете, но рассказ не в моем вкусе, – заметила Полли, когда Ширли-Энн закончила. – У меня от него мурашки по коже.

Джессика вставила:

– У него все истории такие. В этом и смысл.

– Знаю, милая. Я читала его романы. Но тут совсем другое дело. Боюсь, скоро я сама стану для какого-то старой родственницей.

– Старики здесь ни при чем, – возразила Джессика. – Идею рассказа можно отнести к каждому, кто так или иначе чувствует себя неполноценным: к безработным, психически больным, людям с сексуальными отклонениями, расовым меньшинствам.

Руперт засиял от удовольствия:

– Неужели у меня нашлась союзница? Вы абсолютно правы. Долг писателя – тыкать носом благодушных обывателей во все мерзости, которые творятся в нашем обществе.

– Я этого не говорила.

Руперт широко улыбнулся:

– Зато я сказал это за вас, крошка.

Джессика вспыхнула и возмущенно ткнула в него пальцем.

– Я вам не крошка – и не смейте меня учить, старый пень! Я не нуждаюсь в том, чтобы за меня кто-то говорил. Я сама могу сказать все, что считаю нужным.

Руперт повернулся к Майло:

– Нет, вы только послушайте!

Требовалось срочно разрядить обстановку. Майло посмотрел на Полли.

– Кажется, теперь моя очередь представлять прочитанную книгу? Я захватил «Человека-призрака».

– Хорошая идея, – одобрила Полли.

– А потом мы все вместе споем «Боже, спаси детей», – предложил Руперт.

– С какой стати? – нахмурилась Полли.

– Почему бы нет? Раз уж вы хотите превратить наш кружок в воскресную школу, давайте будем петь церковные гимны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.